

Д. МАКОВИЧЪМЪ

ДСНОПОЛЯНСКИЕ
ЗАПИСКИ.

2

ЗНАДРУЖА

84P5-49
M16

45299



КООПЕРАТИВНОЕ КНИГОИЗДАТЕ.
□□□□□□□□□□ ЗА ДРУГА □□□□
═══════ МОСКВА. ═══════
ПРАВЛЕНИЕ и СКЛАД □ МА
Крестоводвиженский пер., 9. □ Моx

30
□
=

2/2 XOP 1926

СЕРИЯ 5 Д

ИНТЕРНАЦИОНАЛ
МАШИНА



5 СЕН 1936

1 А СЕН 1936

10 МАЯ 1936

10 МАЯ 1936

30 МАЯ 1936

1 МАЯ 1936

Д. П. Маковицкий

Яснополянские Записки

1904—1910 годы

Редактировал Н. Н. Гусев

МОСКВА — 1923

Шо

Тур 2

8475-49

М

800

Д. П. Маковицкий

891
М/6.

ПРОВЕРЕНО 1933 г.

Яснополянские Записки

48

7033

СПЕЦ-ФОНД

выпуск
второй

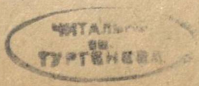
4689 X
34 г.

ПРОВЕРЕНО 1932 г.
ПРОВЕРЕНО 1932 г.

1936 г.



МОСКВА — 1923.



ИОН 1925

1965 г.

1962 г.

ПРОВЕРЕНО

ПРОВЕРЕНО 2009

ПРОВЕРЕНО 2014

45299

ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ
ТУРГЕНЕВА

Главлет. 3002.

Тираж .3000 экз.

39-я типография М. Г. С. Н. Х. Путинковский, 3.

ФОНД РОССИЙСКИХ КНИГ
ТУРГЕНЕВА

21-го января 1905 г.

Приехал кн. Тенишев, брянский предводитель дворянства, зять Трепова, человек консервативных взглядов.

Еще приезжал купец, который пишет стихи; одно из своих стихотворений он прочел Л. Н-чу. В этом стихотворении он порицает его. — „Я ведь был огорчен вами“, — сказал он.

Вечером Л. Н. рассказывал, что у него был шведский писатель, написавший статью про Стриндберга и Толстого, и прибавил, что Стриндберг — в роде Пшибышевского — психопат.

Потом Л. Н. прочел вслух рассказ Чехова о том, как охотник бился с бешеной собакой. Окончив чтение, Л. Н. рассказал, как на Кавказе бешеный волк укусил его собаку, и она тоже сбесилась; как вблизи Ясенок бешеный волк искусал урядника и мужика, которые после этого также сбесились; как баба, на сына которой кинулся этот волк, задушила его: в пасть всунула ему руку почти по локоть. Волк искусал ее, но она осталась жива и живет до сих пор.

— Я не верю в прививку Пастера, — сказал Л. Н.

(Одна яснополянская крестьянка рассказывала мне, что когда ее корову искусала бешеная собака, она боялась, что заразилась от этой коровы бешенством, и решила ехать в Москву на освидетельствование врачей. Л. Н. сказал ей:

— Напрасно ты едешь. Меня бы хоть три собаки укусили, я бы не поехал).

Тенишев рассказывал, что с 5 по 12 января в России не было правительства, и потому власти не были подготовлены к беспорядкам. Он осуждал царя за то, что он сначала не принял депутацию рабочих, а после стрельбы по ней принял ее.

— Это — непоследовательность, — сказал Тенишев.

Л. Н. согласился с этим.

— Ведь эти рабочие, — сказал потом Л. Н., — настоящие кавалеры в сравнении с мужиками, последний из них живет лучше старшины. У старшины нет таких сапог, он не пьет чай с сахаром, как они.

Н. В. Орлов возразил Л. Н-чу:

— Да, так живут холостые, те, которые живут на фабричной квартире. А то бывает, что семейный рабочий получает 1 рубль в день, 25 рублей в месяц, а живет сам-сем.

Л. Н. — Мужик идет на фабрику из-за соблазнов городской жизни.

Н. В. Орлов. — Не всегда. Вот вам пример: полдеревни под Москвой имеют надел 8×40 сажений на душу.

Тенишев рассказывал еще, что слышал от Трепова, будто петербургские рабочие раскаиваются в том, что поддались агитации студентов и подписали прошение царю; что два дня после стрельбы полиция должна была охранять студентов от рабочих.

Был разговор о войне. *Л. Н.* сказал:

— У японцев нет сил для того, чтобы заставить русское правительство уплатить контрибуцию. Если бы переменилось правительство, оно бы сейчас же заключило мир на тех условиях, какие предлагает Япония; а теперь истощенная Япония должна вести войну еще по крайней мере полгода. Японцы требуют Корею, Сахалин, разоружение Владивостока и один миллиард.

22-го января 1905 г.

Утром приехал П. И. Бирюков, ездивший в Петербург и Москву. Он привез известие, что общество очень желало бы, чтобы *Л. Н.* написал воззвание к офицерам и солдатам о том, чтобы они не стреляли в своих братьев, как они это делали в Петербурге, Риге и других городах.

Л. Н. — Об этом я писал уже двадцать раз, это труизм. Говорить офицерам: не стреляйте в своих — это все равно, что говорить попам о причащении. Они не верят в него, не говорят, что это разумно, но они следуют словам: *credo, quia absurdum*¹⁾.

— Тая писала, — сказал далее *Л. Н.*, — про девочку, умершую от чахотки. Обыкновенно чахоточные не сознают близости смерти; эта же сознавала, вспоминала сестер, не чувствовала никакого страха и умерла спокойно. Вот в этом настоящая жизнь. Либерализм же отвлекает от внутренней работы, позволяет жить легкомысленно. Либерал оправдывает себя тем, что он делает полезное дело. Тенишев, как предводитель дворянства, состоит также членом комиссии по приему новобранцев; но он считает себя более нравственным, чем другие, говорит, что он не будет увеличивать число чиновников; т.-е. — палач, который оправдывает себя тем, что он делает менее больно, чем другие палачи.

¹⁾ Верю, потому что нелепо.

23-го января 1905 г.

В Туле забастовали рабочие. Сделано распоряжение, чтобы их никуда не принимали на работу.

Л. Н. получил письмо от француза, в котором тот называет Россию *le pays malheureux* (несчастливая страна).

Б. рассказывал, что Иловайский говорил при нем о том, что Николай II должен бы теперь же отказаться от престола; что все: и Вильгельм II, и папа, и князь Трубецкой советуют царю сместить Куропаткина; что будто бы Владимир Александрович, дядя царя, грозил ему, что он задушит его, если он даст конституцию. Л. Н. на это сказал:

— Хорошо, что Петр I и Павел установили порядок престолонаследия. А то, если бы теперь убили царя, такая пошла бы кутерьма!...

Зашел разговор о том, какую роль играли преобразенцы в истории русских царей; потом о декабристах говорили, что будь на стороне декабристов Измайловский полк, они достигли бы своей цели.

Вечером, когда я без четверти 9 пришел в столовую, Л. Н. читал вслух проект конституции Батенкова 1824 г. Батенков просидел 15 лет в одиночном заключении, царь „забыл“ про него (нарочно), издевался над ним, присылая ему в тюрьму пряников. В тюрьме Батенков пришел к сознанию, что душа его свободна, и один раз так громко расхохотался над тем, что царь запер его, что прибежала стража.

П. И. Бирюков привез Л. Н.-чу от В. В. Стасова документы о декабристах из тайного архива. Л. Н., прочитав некоторые из них, сказал:

— Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу.

Потом П. И. Бирюков рассказывал Л. Н.-чу содержание шведского рассказа о том, как офицер, которому было приказано стрелять в стачечников, застрелился. П. И. Бирюков думает, что подобными рассказами можно воздействовать на офицеров и солдат.

Л. Н. сказал, что таким способом можно воздействовать на них и в обратную сторону, т.-е. внушать им, чтобы они стояли за царя, и что следует, будто бы, предупреждать большее кровопролитие меньшим кровопролитием, т.-е. своевременным подавлением бунта. Нужно пробудить Бога в человеке; это — самый лучший способ воздействия.

Про себя Л. Н. сказал сегодня:

— По вечерам я устаю и слаб, так что не могу писать.

Приехал Андрей Львович из Петербурга. Он привез известие о том, что потеря русских при Сандепу — 10.000

человек. Гриппенберг утверждает, что он мог бы прогнать японцев, если бы Куропаткин не велел ему отступить.

24-го января 1905 г.

Как легко распространяются в деревнях заразные болезни! Если в такой деревне, как Ясная Поляна, начинается скарлатина, то во всей деревне переболеют почти все дети. Нужно бы отдельную квартиру, куда на время эпидемии помещать здоровых детей.

Опять был разговор о декабристах — о том, как Жуковский и другие люди его круга ругали декабристов извергами, делали им всякие неприятности.

— Их обращение к Николаю, — сказал Л. Н., — было куда смелее и достойнее адреса теперешнего московского дворянства. Это были люди все на подбор, — как-будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул. Мужичьего слоя магнит этот не дотрогивался.

Потом Л. Н. сказал П. И. Бирюкову, что у него есть некоторые художественные сюжеты, которые бы ему хотелось разработать.

— Мне все-таки, — сказал П. И. Бирюков, — более близки ваши религиозно-философские произведения, чем художественные. Но теперь особенно такое настроение в обществе, что ваши религиозно-философские произведения не по времени; их просто игнорируют, потому что заняты общественными делами. Теперь можно привлечь внимание общества к вашим статьям только вашими художественными произведениями, которые могут послужить как бы рекламой, — как-будто колокол прозвонит, — и общество вспомнит, что есть Толстой, который что-то говорит.

— Я всегда так на это и смотрел, — согласился Л. Н. — Я весь роман „Воскресенье“ только для того писал, чтобы прочли его последнюю главу. Если в моих художественных произведениях есть какое достоинство, то только то, что они служат рекламой для тех мыслей, которые там попадают. С этой целью я хочу поместить и в „Круг Чтения“ мелкие рассказы для недельных чтений.

25-го января 1905 г.

За завтраком Л. Н. сказал П. И. Бирюкову:

— Английская книга (From theology to religion), от которой я мало ожидал, оказалась интересной.

За обедом Л. Н. спросил, что нового? Ему ответили, что в Варшаве волнения, по русским газетам 130 человек

убитых. Замазали русские надписи на вывесках. Ждут волнений в Лодзи.

— Не могу не сочувствовать полякам, как их обижают,—сказал Л. Н.

— Поляки — умный народ, — заметил П. И. Бирюков.

— Читаю Уоллеса о дарвинизме,—сказал затем Л. Н.— Какая нелепость — дарвинизм!... Поразительное сходство церкви с наукой. И церковь, и наука считают себя непогрешимыми и спорят между собой, и не о главном, а о мелочах, не имеющих никакого значения: о божественности или небожественности Христа (как-будто это не безразлично!) и т. п. Когда Сережа учился, Страхов меня тогда просвещал, он рассказывал мне про четвертое состояние вещества (твердое, жидкое, газообразное и эфирное). Я ему верил. Вдруг Сережа говорит мне: — „Богданов учит нас, что все это вздор. Эфирное состояние — такая же гипотеза, как воображаемая величина в математике, без которой нельзя обойтись...“ А вот еще — споры в медицине: при аллопатии существует гомеопатия и т. д.

Вечером были: П.И. Бирюков, Н.В. Орлов, М.В. Сяськова, В.А. Кузминская, Андрей Льв., Юлия Ив., София Андр. и я. Юлия Ив. сказала, что в газетах пишут, что Куропаткина отзывают.

— Папа, какого ты мнения о Куропаткине? — спросил Андрей Львович.

— Думаю, — сказал Л. Н., — что не следует его отзывать, как старого кучера всегда лучше держать, чем менять на нового.... Когда он был назначен, я не имел к нему доверия. Он был при Скобелеве начальником штаба, значит, был деловой человек; а если бы он был хороший полководец, то был бы начальником отряда. Куропаткин наверное читал Дневник Мольтке: есть некоторые общие приемы... Может-быть, его не любят потому, что к нему доступ труден....

— Несчастный человек Николай!—сказал далее Л. Н.

— Победоносцев внушил ему, — сказал Андр. Льв.,— что он не может ни на волос отказаться от своей власти. Уже поезд был приготовлен в Царском Селе. 9-го января царь хотел-было выйти поговорить с стачечниками, но Владимир и Сергей Александровичи не пустили его.

— А Николай Михайлович хвалил царя, говорил, что он благосклонный, и что они (великие князья) преклоняются перед ним, — сказал Л. Н.

— Скажите Хилкову¹⁾, — сказал потом Л. Н., — чтобы он читал декабристов. Никогда не было такой организованной силы. Успеха у них не было по русской доброте, по отвращению к кровопролитию.

Затем Л. Н. прочел вслух японскую сказку и по окончании чтения, сказал, что „все они дурные“.

Про себя Л. Н. сказал:

— Утром я чувствую себя ребенком; когда проедушь верхом — мне лет 40, вечером — старик.

Заговорили о немцах.

— Я люблю простой немецкий народ, — сказал Л. Н. — Они славные. Ребчий народ везде одинаковый.

П. И. Бирюков рассказывал про жителей кантона Vaud, что тамошняя интеллигенция недовольна народом, что они не интересуются политикой, — не как в Цюрихе. Интеллигенция желает, чтобы народ больше читал газет и книг.

Библиотека в Ясной Поляне очень содержательная; в ней есть книги религиозно-нравственного содержания не только русские, но и английские, французские, немецкие, греческие, латинские, еврейские; меньше польских, итальянских, чешских, сербских, болгарских, испанских, скандинавских и мадьярских. Есть по нескольку экземпляров на многих других языках.

26-го января 1905 г.

К обеду приехал Сергей Львович. Рассказывал про тульское земское собрание, что либералы вышли из его состава. Еще передавал, что в Петербурге, по слухам, рабочие сожгли несколько киосков, в которых были выставлены портреты Романова. Стрельба в рабочих 9-го января многих из них, которые были мирно настроены, сделала революционерами.

Л. Н. про себя сказал сегодня:

— Обратное пропорционально уменьшаются силы и увеличивается количество дел, которые хочется сделать.

Говорили об отношении духоборов к животным. Л. Н. сказал, что то, что они отпускают животных, это так и должно быть.

— Духоборы — начало нового народа, — сказал Сергей Львович. — Самостоятельные, гордые, избранные

¹⁾ Д. А. Хилков, бывший ранее последователем Л. Н.-ча, впоследствии стал революционером и писал и издавал за границей статьи об организации революционных выступлений. Затем вернулся в Россию и во время русско-германской войны поступил на службу и был убит на Карпатах в 1914 г.

Богом, в роде Израиля. Места, где они живут теперь, соответствуют по положению и климату Оренбургу. Северный участок лесистый, южный—степь. „Принц Альберт“—степь.

Потом Сергей Львович (?) рассказал, как духоборы в ледоход переправляли англичанина через реку. Переправившись, он дает им монету — не берут, две — не берут, весь кошелек—не берут. Пошли с ним за версту к переводчику и через переводчика объяснили, что они послужили даром.

Кто-то сказал, что в книге Фильдинга „Душа одного народа“ сказано, что бирманцы держат кур, но не убивают их.

— У Олсуфьева все лошади умирали дома, не продавали их, — заметил Л. Н. — Жозя¹⁾ рассказывал, как Мария Александровна²⁾ любит коров.

27-го января 1905 г.

Вчера Л. Н. похвалил статью La Boëtie: Discours sur la servitude volontaire³⁾.

— Это замечательная статья, — сказал он, — а в истории литературы сказано о La Boëtie, что он написал это ради упражнения в красноречии.

Сегодня Л. Н. хвалил книгу Карпентера „Civilisation, its cause and cure“⁴⁾, сказав, что Карпентер — смелый мыслитель, и прочел мне из этой книги о медицине.

Вскоре после этого С. А. сказала:

— Переведу мышей.

— А я переведу Карпентера, — сказал Л. Н.

У Л. Н-ча в спальне стоит мышеловка. Мышей, которые попадают в нее, Л. Н. относит в Чапыж, старый дубовый лес, шагов за 150 от дома.

— Вед они вернуться назад, — сказала раз С. А.

— Нет, это другие, — ответил Л. Н.

Сегодня говорили о русско-японской войне.

— Последствием этой войны, — сказал Л. Н., — будет сближение Запада с Дальним Востоком.

— Уже и сейчас во многих трактирах поварами китайцы, — заметил Андр. Льв.

— Европейцы наверно стремятся в Китай, — сказал Л. Н.⁵⁾

¹⁾ И. К. Дитерихс.

²⁾ Шмидт.

³⁾ Этьен Лабозси, французский писатель 16-го века. Выдержку из его статьи „Добровольное рабство“ Л. Н. поместил в свой „Круг чтения“.

⁴⁾ „Цивилизация, ее причины и излечение“. Есть русский перевод Наживина.

⁵⁾ Дальнейшее до конца записи этого числа переписано автором с черновых записей через 8 лет.

Отвечая на вопросы П. И. Бирюкова, Л. Н. рассказывал про свою поездку по донским степям:

— Дорога твердая, ровная, как макадам, а по сторонам ковыль серебристый; тут и там кустики дикой вишни... Какие прелестные степи с этим серебристым ковылем!..

О своем переезде в Казань (когда ему было 13 лет) Л. Н. рассказал:

— Когда ехал в Казань, со мной было 8 томов Дюма „Monte-Christo“. Можно было хорошо читать, глаза хорошие, молодые... Даже и не видел дороги...

Сергей Львович спросил, тут ли его книга рассказов Анатоля Франса, и что в ней хорошего. Л. Н. прочел только один из них. Рассказал содержание его рассказа „Кренкель“, который хочет поместить в „Круг чтения“.

Л. Н. хвалил перевод его писем, сделанный Адольфом Гессом в „Deutsche Rundschau“.

Заговорили о русских сектантах.

— Скороходов хорошо отзывался о хлыстах, — сказал Л. Н.

— Это факт исторический, — заметил П. И. Бирюков, — что русские сектанты никогда не восставали с оружием в руках: ни раскольники, ни штундисты, ни духоборы. Все они терпеливо переносили преследования, как павликиане.

Л. Н. опять вспомнил историю Симеона, который истреблял павликиан и потом сам стал павликианином.

29-го января 1905 г.

Утром был грузин Михаил Кайхосрович Кипиани, приехавший для того, чтобы рассказать Л. Н.-чу о движении среди грузинского народа. То, что он рассказал Л. Н.-чу, было мною записано и послано в „Свободное Слово“, где и появилась (в № 16) статья „О гурийском движении“. Вот что было в ней напечатано:

„Под Гурией обыкновенно разумеют Озургетский уезд Кутаисской губернии. Здесь-то и произошли волнения, вызвавшие отправку туда войска под начальством генерала Алиханова.

„Волнения начались вследствие крайней стесненности крестьян в земле, которую захватили помещики, возвысившие арендную плату до чрезвычайных пределов. Помещики берут иногда половину, иногда даже две трети урожая.

„При таких условиях среди гурийцев два года тому назад возникло новое, своеобразное движение. Большинство крестьян (всего гурийцев до 160.000) сговорилось не арендовать и не обрабатывать помещичьей земли и, благодаря

этому, земля эта уже два года пустует. Мелкие помещики присоединились к крестьянам и сами пахут, также и некоторые священники, но высшее священство негодует.

„В то же время гурийцы согласились не грабить, не воровать и не лгать; к полиции за помощью не обращаться и в суды не ходить, а для этого от дел, в которые полиция и суды могли бы вмешаться, воздерживаться,—а если дела такие все-таки случатся, то разбирать самим. Они выбрали десятских, сотских, тысяцких, а эти выбирают судей (трех на деревню).

„Прежде гурийцы сами курили вино самым первобытным способом, и так как акциз на вино высокий и оправдывается только при усовершенствованных способах винокурения, то курили они тайно и давали чиновникам взятки, чтобы они не слишком строго следили за этим. Но теперь, когда крестьяне решили больше не лгать, они не могли уже больше обманывать таким способом и отвезли перегонные кубы в акцизное управление и сказали, что больше гнать вина не будут, потому что сами перестали его пить, но что все-таки оставили себе несколько кубов, чтобы гнать вино для 70—80-летних стариков, которые привыкли пить.

„Важные дела гурийцы решают общим согласием на народных сходках, на которых бывает до 5.000 человек.

„Женщины ходят на сходку и участвуют в общем деле так же, как и мужчины. Теперь гурийцы говорят, что жениться следует по любви, а не из-за денег, и тем, которые получили раньше приданое за женой, было предложено возвратить его родителям. 23 человека так и сделали. Но им было сказано: если родители сами от себя дадут приданое дочери, тогда она пусть возьмет.

„Детей хотят воспитывать так, чтобы у них было отвращение к убийству.

„Воров своих гурийцы судят сами. Воры должны обходить с украденной вещью или скотиной всю деревню и признаваться, что они украли, и возвратить украденное.

„Власти, губернатор грозят разорением и выселением. Присылают солдат, но крестьяне принимают их дружелюбно, угощают, говорят: „Вы наши братья“, и солдаты видят, что эти люди добиваются правды и другим не делают зла. Когда солдаты в них стреляли и убили трех из них, они всем скопом говорили: „И не стыдно вам стрелять?....“

„К присланному правительственному чиновнику Султан-Крым-Гирею гурийцы отнеслись весьма добродушно и указали ему на целый ряд своих нужд....“

Слушая рассказы М. Х. Кипиани, Н. В. Орлов спросил:

— Обрадовались, Л. Н., что ваши идеи?

— Да, это здравый смысл народа проявляется, — ответил Л. Н.

Вечером, когда Кипиани уже не было, Л. Н. говорил, какой он милый, как хорошо рассказывает, как это заинтересовало его, хотя Л. Н. как-раз в то время был не в духе: ему нездоровилось, не спал ночью—болела печень. Когда я утром пришел сказать ему о Кипиани, он сказал мне, что у него возбужденное состояние мысли, хочется работать, прибавив:

— Времени мало осталось.

Но рассказы Кипиани отвлекли его мысли.

Кипиани говорил, что от Кутаиса до Иркутска нет тюрьмы, в которой бы он не побывал в течение своего 12-летнего заключения.

— Это милейший народ, эти грузины, — сказал Л. Н.: — и умные, и кроткие, и добрые, как Накашидзе ¹⁾. Они такие небережливые, любят роскошь... Следует записать то, что он говорил. Хотя он говорил, что выдача организации может им повредить... Никакой Беллами²⁾ не выдумает так хорошо, как у них теперь осуществлено: по общему согласию, по совести и по Христу перестроена у них вся жизнь.

(В дневнике в этот день Л. Н. записал: „Утром был от Накашидзе милый человек Кипиани, который рассказал чудеса о том, что делается на Кавказе: в Гурии, Имеретии, Мингрелии, Кахетии. Народ решил быть свободным от правительства и устроиться самому. Душан записал. Надо будет изложить. Это—великое дело“).

— Сейчас пришла девушка, — сказал потом Л. Н., — с виду как-будто просительница. Она передала мне письмо: „Я необразованная девушка, получила наследство в 100.000, что мне делать?“ Сейчас пойду к ней, очень интересно....

— Получил гектографированную статью Шкарвана³⁾ о словаках, — сказал мне Л. Н., — читал ее, очень хороша. И Хельчицкого получил. Все прислал Иван Иванович⁴⁾. Вот это—статья Шкарвана. Иван Иванович прислал мне для прочтения, хочет напечатать....

¹⁾ И. П. Накашидзе, единомышленник Л. Н-ча, грузин.

²⁾ Автор книги „Через сто лет“.

³⁾ Единомышленник Л. Н-ча, словак.

⁴⁾ Горбунов.

М. В. Сяськова с сожалением рассказывала про одну из своих знакомых, что она постоянно думает о смерти.

— Это хорошо—о смерти думать,—сказал Л. Н.

Уехал Андрей Львович. Сергей Льв. сказал ему, зачем он берет с собой столько багажа. — „Отдай, как товар, по крайней мере на 10 рублей меньше будет стоить“.

— Нет, возьму с собой хоть до Москвы, не стану перепаковывать. Что такое лишних каких-то три рубля!

— Три рубля большие деньги,—сказал задумчиво Л. Н.

Прощаясь с Андреем Львовичем, Л. Н. предостерегал его и давал ему советы.

Два матроса из эскадры Рождественского пишут Л. Н.-чу, что, читая на судне Евангелие, они поняли, что христианин не может быть солдатом, и отказались идти на войну. Их вернули обратно в Кронштадт и посадили в следственную тюрьму. В письме они просят выхлопотать для них разрешение читать Евангелие, которое у них отобрали¹⁾.

30-го января 1905 г.

Сегодня приехал Шарль Саломон²⁾. Вечером после обеда Л. Н. спросил его:

— Ну, что нового у вас во Франции?

— André³⁾, доносы на офицеров, воспитывающих детей в духе католицизма. . .

— Вот вам fraternité, égalité!⁴⁾ — сказал Л. Н.

— Не читали вы про Сиветона?⁵⁾ — спросил Саломон.

— Я газет не читаю,—ответил Л. Н.

— Год тому назад даже много читали,—заметил Саломон.—Помню, ездили даже из-за газет в Тулу⁶⁾.

— Мне так же приятно было, когда я перестал читать газеты, как когда бросил курить,—сказал Л. Н.—А теперь, когда мне рассказывают, что пишут газеты,—точно вдыхаю дым из чужой папиросы. Когда я составлял „Круг чтения“, я был на такой высоте мысли, и это оттолкнуло меня от газет, и я перестал их читать. . . .

— „Круг чтения“, — сказал далее Л. Н.,—будет иметь то значение, что укажет на писателей. Вот у вас во Фран-

¹⁾ Письмо это напечатано в № 16 „Свободного Слова“.

²⁾ Переводчик некоторых сочинений Л. Н.-ча на французский язык.

³⁾ Военный министр, боровшийся с клерикализмом в армии и преследовавший офицеров, которые (или их дети) ходили в церковь.

⁴⁾ Братство, равенство.

⁵⁾ Французский сенатор, антидрейфуар, обвинявшийся в растлении девочки, своей племянницы. Пресса сделала из его процесса злобу дня.

⁶⁾ Это было в то время, как началась война с Японией.

ции Ламенэ и Ла-Боэти публика наверное мало читает. Как бросается в глаза сходство Ламенэ и Мадзини!.. Мадзини перешел от революционного анархизма к христианству; Ламенэ—от католичества, от христианства—к революции.

— Я Мадзини не знаю,—сказал Саломон.

— Есть хорошая английская биография Мадзини, — сказал Л. Н.—Что нового, хорошего во французской литературе?

— Братья Маргеритт прекрасны, — ответил Саломон. Потом он назвал каких-то поэтов, которые пишут просто, ясно, декадентство бросили.

— А у нас оно процветает,—заметил Л. Н.

— Женевское общество имени Руссо издает его корреспонденцию ¹⁾, — сообщил Саломон.

— Нет хорошей биографии Руссо,—сказал Л. Н.,—в тех, которые есть, кое-чего не достаёт. Надо выяснить у него это его занятие собой под старость, его малодушие... Он был достойнее Вольтера, который унижался перед Фридрихом, Екатериной. Этим он делал большой вред. Писал историю, в которой восхвалял Екатерину, выставял ее такой, какой она не была...

Про других французских писателей, отвечая на вопросы Саломона, Л. Н. говорил:

— Мопассан пишет такая, как-будто говорят сами его герои, — как Диккенс... Rousseau fait du stile, Вольтер менее, Дидро еще менее... Паскаль мне нравится.

В 8 часов вечера, возвращаясь от больного, я встретился у подъезда дома с бледным, лет 25, человеком.

— Можно видеть Л. Н-ча?—спросил он.—У меня личная просьба к нему. Пожалуйста, передайте ему это письмо. Я передал. Л. Н. вскрыл письмо.

— Ах, это опять тот булочник!—воскликнул он и пошел к нему. Вернувшись, он сказал Юлии Ивановне:

— Хотите познакомиться? — и подал ей переданную этим человеком визитную карточку, на которой было написано: „Нил Дикий“.

— Опять был здесь!—воскликнула Юлия Ивановна.—Что же он у вас спрашивал?

— Спрашивал, как сделаться хорошим писателем. Я думаю, что он душевно-больной.

За вечерним чаем Л. Н. рассказывал Саломону про гурийское движение. Здравый смысл народа привел его к

¹⁾ Это общество впоследствии прислало Л. Н-чу все свои издания. Д. М.

анархическому образу жизни, говорил он. Потом говорили о войне.

— Мне странно,—сказал Л. Н.,—что у моих сыновей нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть, как и семейное чувство. Падение Порт-Артура мне было больно. Вполне понимаю Гагарину, которая с тех пор, как прочла об этом в газетах, не читает газет.

Заговорив о Гагариной, Л. Н. прибавил:

— За ней ухаживал Александр И. Тургенев мне говорил, что он был у нее, когда к ней пришел Александр.

Сал. — Русские эмигранты радуются потерям русских войск. *C'est incompréhensible, irritant pour nous.* (Это нам непонятно, раздражает нас). Не понимаю их.

Л. Н. — Им следует идти прямо против правительства, а они не только не против войны, но сами идут на войну... Недавно я видел, как собаки спугнули зайца; я желал, чтобы они его не догнали, но будь я охотником, я травил бы его... Маша напала на меня за то, что я сказал, что лучше бы взорвали Порт-Артур, нежели отдали японцам. Коли я иду на войну, то должен быть готов пожертвовать собой за то дело, которому служу. Те, кто радуется поражению, должны действовать прямо против правительства, а не через потери народа. Ищу сравнение...

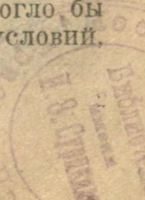
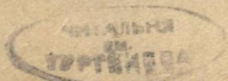
— Это в роде того,—продолжал Л. Н. после короткого молчания,—как если бы седок стал бить кучера другого седока, а тот — кучера этого. Почему же не прямо действовать на кучера? Как желать того, чтобы страдал и погибал народ? Да и как может поражение на войне заставить правительство отказаться от своей власти? У меня задорное и грустное чувство,—прибавил Л. Н.

— Но ведь после Крымской войны были реформы?—возразил Сергей Львович.

— Та кончилась смертью Николая Павловича. Реформы были благодаря новому государю.

Был разговор о том, что Лев Львович получил аудиенцию у царя и в течение полутора часов беседовал с ним, предлагая ему созвать земский собор и указывая на то, что теперь властвует Трепов. Царь ответил, что сейчас, пока продолжается война, не время созывать земский собор.

— Жаль,—сказал Л. Н.,—что он не знает проекта Штанге, в котором именно говорится, что теперь-то и надо созвать собор, чтобы решить вопрос о заключении мира. Если бы был созван собор, то у царя была бы под собой опора. Собор мог бы сейчас же приостановить войну и установить приемлемые условия мира. Правительство могло бы сказать японцам: если вы не принимаете наших условий, то будете иметь дело со всем русским народом.



— Я за это время, — сказал Л. Н. далес, — читал в New Book of Kings о Карле II, сумасшедшем, который управлял Англией 35 лет, и Давидсон-Моррисон рассказывает про него, что, сойдя с ума, он едва ли не лучше управлял, чем когда был в уме. . . Читал еще Тэна „Origine de la France contemporaine“. С ним я не совсем согласен в том, что он утверждает, что принципы революции были ложны, потому что не осуществились: они не осуществились потому, что проводились насилем. К ним ведь теперь возвращаются: прогрессивные налоги, отделение церкви от государства. . .

— А Michelet¹⁾ вы читали? — спросил Саломон.

— Давно читал, — ответил Л. Н. — Michelet, Macaulay²⁾ даже не сообщают все исторические данные, не исчерпывают их, и в то же время они не художники. . .

— Как похожи друг на друга, — продолжал Л. Н., — Карл I, Людовик XVI и Николай II, и обстоятельства их царствования похожи. Та же слабость, нерешительность, полумеры. . . Людовик не знал, верить ли ему Мирабо? То верил ему, то нет.

Л. Н. просил Саломона справиться у Валишевского, достоверен ли рассказ о том, что Екатерина умерла на судне, сделанном из трона польских королей.

Все это Л. Н. говорил таким тоном, что мне казалось, что он чувствует боли в печени. Весь вечер он был не особенно разговорчив и часто переходил от одного предмета разговора к другому. Говорил тише, чем обыкновенно, и почти исключительно с Саломоном. Саломон говорил большею частью по-французски; Л. Н., отвечая ему, начинал тоже по-французски, но скоро переходил на русский.

Сергей Льв. сказал, что надо бы в „Круге чтения“ обозначать те источники, из которых взяты мысли.

Л. Н. — Что взял из Паскаля, Ламена могу указать, а что взял из Эмерсона — не могу.

С. Л. — А из Талмуда?

Л. Н. — Это я брал из сборников. Список источников, впрочем, составлен.

С. Л. — В нем указаны и издания книг?

Л. Н. — Нет.

С. Л. — Надо бы и это обозначить.

Сегодня, выйдя из своей комнаты и держа в руках выписки из Хельчицкого, Л. Н. сказал мне:

— Я вчера читал его и отметил некоторые места.

¹⁾ Жюль Мишле (1798—1874), французский историк, автор 9-томной Истории Французской революции.

²⁾ Томас Маколей (1800—1859), знаменитый английский историк, автор „Истории Англии от вошествия Иакова II“.

Потом за столом спросил В. А. Кузминскую:

— Умеешь писать?

В. А. смутилась:

— Как же, умею.

— А скоро умеешь? Я читал Карпендера — как он хорошо пишет! — и буду тебе диктовать по-русски для „Круга чтения“.

— Нынче, — сказал далее Л. Н., — лежал и думал: напишу гурийцам, Накашидзе, что это важно, что они делают, чтобы они продолжали. . .

— Статью о словаках прочитали? — спросил я Л. Н.-ча.

— Четвертую часть. Статья хорошая, только он уже слишком восхваляет их. Много словаков? — спросил меня Л. Н. — Смешиваются они с мадьярами? А чехов сколько? В Вене, говорят, много прислуги чешской. А сколько румын, немцев, евреев? А у тех есть свои депутаты в парламенте? — задавал мне вопросы Л. Н., удивляясь моим словам что чехов в Вене 320.000, и что они германизируются.

Я рассказал, как австрийское правительство проводило железные дороги преимущественно по немецким землям, как поощряло промышленность в немецких городах, вследствие чего туда направлялся приток рабочих и фабрикантов славян, которые потом онемечивались.

— Ведь правительство, — сказал Л. Н., — создает эту национальную борьбу. Подумать только: если бы не было правительств, то было бы нравственное соперничество народов и смешивание их на границах. Странное дело, что Венгрия, которая, пока была частью Австрии, все эти гонения испытала на себе, причиняет такие же страдания своим народам. . . Удивительно, что держится Австрия, страна, где столько разных народов. Ей уже в начале 19-го века предсказывали конец. Удивительная инертность!

— Если бы у нас грузины получили влияние на русскую жизнь, — сказал далее Л. Н., — милости просим! Но к евреям и армянам этого чувства нет, а есть недоверие. Когда с ними говоришь, — молчишь, не хочешь им дать понять своего чувства, чтобы не обидеть их. В них есть что-то отталкивающее, что появилось в них частью оттого, что они много перетерпели, частью. . . (далее я не дослышал). . . Еврей — бойкие! Получая письма от них, с первых же строк узнаю. . .

Я сказал, что у нас в Венгрии, как только еврей перестаёт быть в угнетённом положении, так сейчас же начинает угнетать других. Их пресса раздувает национальную вражду.

— У нас они — революционный элемент, — сказал Л. Н. — Мне все больше и больше революция противна, — продолжал он. — Евреев раздражает „черта оседлости“, а они говорят, что для них важно благо России, благо русского народа. Им дела нет до русского народа. . . Есть что-нибудь такое, за что их не любят.

Еще я сказал, что в Америке словаков $1/1$ миллиона.

— И не перестают выселяться туда? — спросил Л. Н.

— Нет, это переселение даже усиливается за последние годы. Вот если бы русское правительство или общество сделало для них доступной Сибирь, — сказал я.

Л. Н. — Они сами должны отправить туда своих ходоков, например, в южную часть Алтая, в Минусинский уезд.

В половине 11-го, за чаем, Л. Н. сказал мне, чтобы я прочитал ему биографию Хельчицкого.

— Прекрасно изложено, — сказал он, когда я кончил. — Кто это написал?

— Яначек.

— Перепишите это; но надо исправить русский язык. Какое сходство судьбы Хельчицкого с Лаотзе: истории их жизней неизвестны, а оба они проповедывали высокие религиозные учения. О Хельчицком до середины прошлого столетия не знали, в словарях не упоминался.

Я читал Л. Н.-чу биографию Хельчицкого, переводя ее экспромптом с чешского. Я переводил туго и с остановками. Л. Н. терпеливо слушал, хотя, видимо, чувствовал себя очень усталым и нездоровым и с большим интересом следил за читаемым, спрашивая те слова, которые были ему непонятны.

Сегодня Л. Н. получил от И. И. Горбунова первые пробные (для образца шрифта) страницы „Круга чтения“.

1-го февраля 1905 г.

Приехавшая сегодня утром из Москвы С. А. рассказала, что ей говорили, будто царь сказал Льву Львовичу на аудиенции: „Ваш отец великий человек, но вместе с тем фантазер, например, о земле“.

Юлия Ивановна получила письмо от Александры Львовны из Петербурга, в котором она описывает аудиенцию Льва Львовича. Царь сказал ему, что доволен, что принял депутацию рабочих, с которыми поплакал, что Земский Собор нужно созвать, но не теперь, пока еще война продолжается. Сказал также, что не будь у него государственных забот, он был бы самый счастливый человек. Л. Л.

говорил ему о вегетарианстве, о вине, о табаке и обещал прислать свое сочинение о гигиеническом образе жизни.

— Я рад, что Лева сказал ему, чтобы он бросил курить и пить, — сказал Л. Н. — Это — важное дело. Если он бросит, хорошо сделает. За ним перестали бы курить и пить придворные, офицеры и т. д. Царь торгует водкой, — прибавил Л. Н. с негодованием, — это унижает его в глазах народа.

Про своего брата Михаила царь сказал Л. Л-чу, что он не пьет и не курит.

Зашел разговор о Марии Львовне и Наталии Леонидовне¹⁾. С. А. сказала, что у них в Пирогове ужасно скучно. — „Я бы повесилась, не могла бы там жить“, — сказала она.

— А я им завидую, — сказал Л. Н. — Там тихо, а здесь вечная сутолока. Вчера был единственный день, что никто не приехал.

— Ну, и сегодня, — возразила С. А.

— Сегодня ты приехала, — ответил Л. Н. — Сашу ждем. Все беспокойство.

С. А. каждые два месяца ставит в библиотечные шкафы книги и брошюры, полученные Л. Н-чем за это время. Их набирается от 100 до 200. С. А. вписывает их в каталоги. Сегодня она спросила Л. Н-ча, что ей делать с брошюрами записывать их каждую отдельно ей не хочется. Л. Н. посоветовал разложить отдельно английские, французские, немецкие брошюры, подобрав их по годам, и так и записывать их.

Увидав в числе брошюр одну спиритическую, Л. Н. рассказал анекдот о том, как на спиритическом сеансе у горничной пропал рубль. На другой день медиум сказал, что если никто не имеет против, то он просит этот рубль оставить у него.

Сегодня Л. Н. написал письмо И. П. Накашидзе о гурийском движении. Вечером он спросил Юл. Ив.:

— Письмо к Накашидзе отослали?

— Нет, плохо скопировалось, оно еще в прессе²⁾.

— Я писал вчера Кишиани, — сказал я — Он мне оставил свой петербургский адрес, прося написать ему, как вы отзоветесь о гурийцах.

— Жаль, — сказал Л. Н., — что вы мне вчера не сказали. Написал ему, что я с восхищением рассказываю про них

¹⁾ Внучка сестры Л. Н-ча, Марии Николаевны.

²⁾ За несколько лет до этого в Ясной Поляне начали копировать все посылаемые Л. Н-чем письма, кроме писем к семейным, а также писем интимного характера. (И тех, и других было очень немного.)

и волнуясь. В Петербурге узнают про них, он будет там рассказывать. Только интеллигенты этого движения не оценят, на них это не произведет глубокого впечатления. То ли дело манифестация на улицах Петербурга! . . .

— Как духоборы: интеллигенция не оценила этого движения,—сказал я.

— Интересно, — продолжал Л. Н.: — интеллигенты доводят нравственные требования до крайности: не платят по датей, отказываются от денег, от воинской повинности,—но не выдерживают. Народ же ставит себе средние требования, как гурийцы, с которыми идут и женщины, но выдерживают.

— Когда духоборы узнают о гурийцах, они будут жалеть, что эмигрировали,—заметил Н. В. Орлов.

Позднее Л. Н. сказал:

— Кросби пишет, что Кенворти¹⁾ нападает на него, что он препятствует распространению его книг в Америке. У него мания преследования, как у Руссо. Он затеял дело против Моода²⁾, поссорился с Чертковым. Только меня оставляет в покое, на меня не обижается.

В 10 часов вечера Л. Н. пошел гулять. Зная, что на деревне есть бешеная собака, я пошел за ним, захватив с собою палку, и шел шагах в пятидесяти сзади него. Возвращаясь обратно, Л. Н. увидал, что кто-то идет сзади, остановился и, когда я подошел, заговорил со мною. Он сказал, что он отметил из Хельчицкого места для „Круга чтения“, но что хорошо бы привести подлинные слова самого Хельчицкого³⁾. А оба текста нельзя печатать. Потом спросил меня, много ли у нас случаев самоубийств, сумасшествия, и о том, с какими болезнями чаще всего приходят ко мне в амбулаторию.

За чаем Л. Н. принес мне брошюру „Hidden Words“.

— Вот о бегаизме,—сказал он. — Напыщенно. Посмотрите и сейчас увидите, что это такое.

2-го февраля 1905 г.

Перед обедом Л. Н. заглянул ко мне в амбулаторию, спросил двух больных, что с ними и откуда они, и через 2—3 минуты ушел.

¹⁾ Англичанин John Kenworthy, единомышленник Л. Н-ча, автор книги: „Tolstoy, his Life and Works“ (Lond., 1902) и др.

²⁾ Переводчик сочинений Л. Н-ча на английский язык.

³⁾ В издании Академии Наук „Сеть веры“ Хельчицкого напечатана не в точном переводе, а в изложении Анненкова.

Сегодня С. А. записывала на отдельных карточках те брошюры, которые Л. Н. отобрал, как более важные.

Приехал И. К. Дитерихс. Он рассказывал, что сестра его, А. К. Черткова, пишет ему из Англии, что их убивают известия из России. Его родственники в Туле, консерваторы, ругают японцев, не находя им имени, говорят, что надо всех их истребить, но за последнее время начали ругать и правительство.

— Ругательства теперь общие. Это заразительно, надо остерегаться,—сказал Л. Н.

— Читаете *Courrier Euroréen*?—спросил меня Л. Н.— Там есть статья об отделении церкви от государства в Японии. Сиогун поддерживал буддизм и преследовал шинтоизм. Когда же Микадо,—он по шинтойской вере наследник богов,—одержал верх над сиогуном, он стал поддерживать шинтоизм и преследовать буддизм. А между тем буддизм—глубокое нравственное учение, а шинтоизм—идолопоклонство. Вот это совсем не к чести ваших японцев,—сказал Л. Н. Дитерихсу, который восхвалял японцев.

— Еще там есть статья об исламе,—продолжал Л. Н.,— об улемах, которые соединяются в общество, чтобы противодействовать влиянию, которое производит слабый султан... От улемов нельзя ждать ничего, а бегаизм имеет будущность... Калиф замещает пророка, микадо—наместник богов, у нас—мощи, царь, у католиков—папа... Как образованные люди могут терпеть все это!.. Мой знакомый был прав, когда говорил, что умирать легко—уходишь из этого мира сумасшедших...

И. К. Дитерихс рассказывал про Куропаткина, что он из Закаспийского края выгнал всех поляков, служивших на железной дороге, и всех евреев, а у армян отнял поставку на армию. Есть у него свои любимцы среди офицеров. Потом И. К. Дитерихс рассказывал про живущих в Туркестане магометанских народов, какие они правдивые, честные, не лгут, не клеветают друг на друга; русские же—напротив того. Говорил, что один его знакомый слышал в Петербурге, будто бы рабочих, назначенных в депутацию к царю, будили ночью, одевали и отводили в полицию, а оттуда—к царю. Царь встретил их бледный, с перекосившимся лицом, вынул бумагу, прочел по ней речь, повернулся и ушел,

Юлия Ив. сказала, что земский собор наверное будет созван.

Л. Н. ничего не сказал на все эти разговоры.

Я рассказал Л. Н.-чу об отказавшемся в Моравии от военной службы Немраве. Л. Н. был очень растроган. Точ-

ных слов его я не припомню, но смысл был тот, что такие люди, как Немрава, которые хотят только исполнить волю Бога, делают всех больше добра людям.

3-го февраля 1905 г.

Сегодня Л. Н. нарочно зашел ко мне в комнату спросить, как мои дела.

Приехал Х. Н. Абрикосов. Говорил со Л. Н. чем свое предполагаемое свадебное путешествие. Я отговариваю его ехать в Геную, а советую поехать лучше на берег Адриатического моря к словинцам и хорватам. Л. Н. одобряет мой совет.

4-го февраля 1905 г.

— Как ваше здоровье? Как это вы скрыли инфлюэнцу? — ласково спросил меня сегодня Л. Н.

После обеда я рассказал Л. Н.-чу, что в *Courtir Eugoréen* напечатано, что великий князь Владимир Александрович получает от казны шесть миллионов франков в год и, кроме того, имеет своего дохода четыре миллиона и, как член Государственного Совета, получает 70,000. Все Романовы, не считая царя (их 30 человек), получают от казны 60 миллионов франков.

— Это уже прикрашено, — заметил Л. Н. — *Courtir Eugoréen* все плохое в России преувеличивает. Я свободен от того, чтобы испытывать досаду, читая такие вещи, и чтобы интересоваться политикой, — сказал Л. Н., радостно улыбаясь. Видно было, что то, что он не читает газет, действительно дает ему что-то хорошее.

— Получил я заграничный паспорт, — сообщил Х. Н. Абрикосов.

— Поезжайте, серьезно, в славянские земли, — сказал Л. Н. — Лизанька (теща Абрикосова, племянница Л. Н.-ча), будет против, а вы все-таки только туда поезжайте. Италия. Ривьера — все это избито. А тут новые места, сохранившийся народ, интересный. Я бы на вашем месте туда поехал. Я благодарен Душану Петровичу за все, но особенно за то, что он поучает нас о славянах. Нам, русским, за исключением отдельных лиц, славянофилов, для которых это специальное изучение, о славянах мало известно, и мы должны спрашивать, сколько их, где они живут и т. д. Все, что я знаю о них, это по краледворской рукописи, которая оказалась подложной. Но я так и думал с самого начала, — так же как и Слово о полку Игореве. Это сочинено на гомеровский эпический лад. . . Мне не нравятся и Ни-

белунги, они не поэтичны. Старинные же былины очень люблю: Добрыня, Садко, Микула Селянинович, Илья Муромец. . .

После этого Л. Н., который в начале разговора стоял, присел к столу и перевел разговор на Диккенса, говоря, что читает его с чрезвычайным интересом, умилением, с радостью, почти наивной, особенно в тех местах, где Диккенс описывает детей. Смеясь, Л. Н. подробно рассказал некоторые места из Диккенса. Юлия Ив. хотела было рассказать ему, что идет дальше в том романе Диккенса, который он теперь читает, но Л. Н. остановил ее, прося не рассказывать то, что он не успел еще прочитать.

— Там он (Диккенс) сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо! — сказал Л. Н. — Он любит слабых и бедных и везде презирает богатых. Странно, он часто описывает воров. В одном рассказе воровка стаскивает шалку с мальчика и при этом запутывается в его волосах. Она берет ножницы, хочет срезать волосы, но удерживается, потому что вспоминает кудри своего сына, когда тот был мальчиком.

Из Тулы привезли почту: 12 повесток на заказные письма, больше 20 простых и столько же бандеролей.

— В молодости, — сказал Л. Н., — почта была мне приятна, теперь — нет, скорее боюсь, что принесет мне неприятные известия.

Ночью должна была приехать Александра Львовна вместе с тетей и двоюродной сестрой. Л. Н. с В. А. Кузминской решили ехать встречать их. Они вместе обсуждали, сколько будет нужно саней, сколько кучеров и т. д.

Л. Н. ездил два раза навстречу Ал. Л.-не. Поезд опоздал. Поздно ночью приехали Т. А. Кузминская, М. А. Эрдели и Ал. Л. Они привезли известие, что Сергей Александрович убит бомбой в 3 ч. дня в Кремле. Кроме Сергея Александровича, были убиты кучер и проходившая девушка. В здании суда выбиты все окна. Алекс Л.-на рассказывала, что с нею вместе ехали студенты, которые радовались этому убийству и говорили, что это — начало революции.

Л. Н. был потрясен этим известием. Оно заставило его прямо физически страдать.

— Что же, после убийства Александра II лучше стало? — сказал он. — Есть и были Треповы, которые вынюхают, засадят, перевешают участников убийства — и только.

Ал. Льв. рассказала, что Лев Львович написал царю второе письмо, на которое ждет ответа. Царь с ним согласен, и Л. Л. надеется, что его ответ будет иметь громадное значение для блага России.

— Царь со всеми согласен, — сказал Л. Н. — Кто-то мне рассказывал, что был у него Победоносцев, он сказал ему: „Я с вами согласен“. Потом пришел Витте, — царь и ему сказал: „Да, я с вами согласен“. Тут была его жена, она говорит ему: „Как же ты согласен с ним? Он, ведь, обратное говорит Победоносцеву“. — „Я и с тобой согласен“, — сказал царь.

— Все учат, учат: Лева, Стахович... а сами не умеют ничего для себя сделать, не умеют себе самовар поставить, — сказал далее Л. Н.

Т. А. Кузминская рассказывала про Гапона.

— Его письмо к царю напыщенное, фразерское, противное, — сказал Л. Н.

— Царь сказал Лева, — сказала Ал. Льв., — что депутация рабочих растрогала его.

— Царь не должен был принимать депутацию рабочих, — сказал Л. Н. — Да она и не имела права на это: разве ее посылал 100-миллионный народ? После нее могли притти депутации извозчиков, потом еще кого-нибудь, и всех их принимать?!. Для этого есть известные формы: у царя есть свои учреждения, через которые он может узнавать волю народа. Я эти формы не одобряю, но царь-то должен придерживаться их.

— Когда пришла депутация к Людовику XVI, — сказал далее Л. Н., — женщина в роде нашей курсистки¹⁾ надела ему фригийскую шапку на голову и велела отплясывать карманьолу. Швейцарская лейб-гвардия с трудом разогнала толпу.

Одна из присутствующих со смехом начала рассказывать, как один из офицеров, командовавший стоявшим на улице на случай волнений отрядом, не вытерпел оскорблений, которыми осыпала его подошедшая курсистка, поднял ее на лошадь и отшлепал. Л. Н. остановил ее, прося не рассказывать об этом, и сейчас же переменял разговор. Видимо, ему было очень тяжело. Вид у него был усталый, расстроенный, глаза блестели, как в лихорадке, и казались глубоко впавшими.

Наверное, никого в России известие об убийстве Сергея Александровича так не потрясло, как Л. Н.-ча.

— Ужасная вещь! — восклицал он несколько раз.

5-го февраля 1905 г.

Сегодня утром мы смотрели новую картину Н. В. Орлова: „Порка“²⁾, которая находится в бывшей мастерской Татьяны Львовны (там работал и Н. Н. Ге), где теперь молочная.

1) Перед этим говорили о какой-то курсистке-революционерке.

2) Снимок с этой картины см. в альбоме картин Н. В. Орлова „Русские мужики“, Пет. 1909, изд. Голицыне и Вильборг.

— Однако, убийство Сергея Александровича как подействовало на Л. Н-ча, — сказал Н. В. Орлов. (Л. Н-ча не было). — А когда убили Гумберта, Л. Н. писал, что чему же тут удивляться: убивают же Ивана, Сидора, солдат ведь готовят к убийству...

Сегодня Л. Н. сказал по поводу убийства Сергея Александровича:

— Ужасно! Хуже будет.

Т. А. Кузминская рассказывала про стачку рабочих на Путиловском заводе. Там было вылито 500 пушек, и нужно было произвести над ними некоторые работы, пока они еще не остыли. Но рабочие отказались сделать это, и пришлось отлитые уже пушки перелить обратно в чугун. У Суворина по случаю забастовки 7 дней не выходила газета. Городская водоканалка была под сильной охраной полиции, потому что рабочие хотели разнести ее.

— Тенишев, — сказал Л. Н., — передавал взгляд из лагеря Трепова, что Мирский должен был накануне 9-го января поставить войска на заставах, чтобы не пускали рабочих, и что если бы это было сделано, не было бы кровопролития.

Л. Н. видит в этом интригу против Мирского.

Был разговор о государственном строе Англии. Н. В. Орлов сказал: — Английское ярмо не так тяжело, как русское. Английское правительство не вмешивается в дела веры.

— Английское правительство, — возразил Л. Н., — такое же скверное, как и русское. Вот вам *The Shame of Nineteenth Century. A letter to Times 24 дек. 1900 by Blunt*: как английское правительство разорило богатую 100 лет тому назад Индию, Китай, Африку. А Тибет, какая это мерзость! Тибетцы не соглашались пустить к себе иностранцев. Английское правительство послало им какую-то телеграмму; они не ответили. Английское правительство сочло себя обиженным и сейчас же выслало посольство с войсками, которые убили тысячи тибетцев¹⁾.

Т. А. Кузминская рассказывала про супругов Челышевых, тульских старосветских помещиков, и про их детей, сына и дочь (16 и 15 лет), которые живут не так, как все люди их круга: не одеваются по моде, дочь лечит крестьян, учит их детей, а по вечерам сама учится. Дочь не обращает внимания на свою красоту и не заботится о своей наружности. Л. Н-чу было приятно слышать это. Он спрашивал подробности про эту семью.

¹⁾ Это было в 1903—1904 г. После английское правительство взыскало с тибетцев расходы этого похода. Д. М.

Говорили о войне. Т. А. Кузминская сказала, что солдаты обожают Куропаткина за то, что он заботится о них: они два раза в день получают горячую пищу, снабжены хорошей одеждой, обувью. Л. Н. подтвердил, что он слышал, что это правда, и что госпитали хорошо обставлены. Андрей Льв. говорил, напротив, что Куропаткина не любят. Т. А. Кузминская ужасалась русским поражениям. Л. Н. рассказывал о войне 1805—1807 годов и о франко-прусской войне 1870 года.

— Поражение для Франции было даже выгодно, — сказал он.

— Когда пал Порт-Артур, — сказала Т. А. Кузминская, — я плакала. А тебе как было? — спросила она Л. Н.-ча.

Л. Н. — Мне было обидно. Но я вижу молодых людей, которым это нипочем. Саломон говорил, что заграничные русские революционеры радуются поражениям русских войск. Он удивляется этому.

— Как же, по-твоему, не следовало сдавать Порт-Артур? — спросила Т. А. Кузминская.

Л. Н. — Я сам был военным. В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать.

Потом говорили о настроении русской интеллигенции. Л. Н. сказал:

— Все занимаются теперь политикой. Это самое легкое. Саша говорила, что Лева весь поглощен политикой, а дома бывает не в духе и резок. А важно только одно: жить хорошо; важно то, как относиться к лакею, к ребенку...

За обедом говорили о ехавших вместе с Ал. Л.-ной технологах, которые рассказывали, как было подготовлено убийство Сергея Александровича. Л. Н. сказал, что эти технологи подозрительны.

— Надо прочесть, — сказал он, — Дебагория-Мокриевича, чтобы знать, как такого рода убийства осторожно и тайно готовятся.

6-го февраля 1905 г.

Утром приехал Ив. Ив. Горбунов с первой корректурой „Круга чтения“. С 9-ти до $\frac{3}{4}$ 10-го Л. Н. разговаривал с ним в столовой главным образом об убийстве Сергея Александровича. Ив. Ив. рассказал, что на днях он созвал друзей поговорить о теперешних событиях, и когда он сказал, что он не заодно ни с правительством, ни с революционерами и либералами, жена первая выразила согласие. А между тем на другой день после этого он получил письмо с упреками, что он на стороне либералов и революционеров.

Л. Н. сказал, что он тоже получает подобные письма.

— Только меня, — сказал он, — причисляют к лагерю Каткова. В это время испытания надо сохранить свое „я“. Я за Бога, и ни за правительство, ни за либералов. Люди пренебрегают той вещью, в которой одной они свободны: своей внутренней жизнью. Все делают планы, как осчастливить других, а про свою духовную жизнь забывают. Я живу в счастливых условиях отдаленности от этой борьбы, и продолжаю именно в интересах освобождения людей сохранять и развивать свои мысли, которые позже, когда наступит время, будут полезны.

(Л. Н. получил недавно из Москвы письмо от писателя Евгения Чирикова, который негодует на то, что Л. Н. сказал английскому корреспонденту, что надо совершенствоваться самого себя, и что „рабочим никакой свободы не надо“. Ему, барину, — говорит он, — в его Ясной Поляне очень удобно совершенствоваться, но будь он прикован к тачке, будь он в тюрьме, голодай, он почувствовал бы гнет правительства!)

— Новое правительство — продолжал Л. Н., — будет так же основано на насилии, как и старое. Как Кромвель, Марат давили своих противников, так и у нас новое правительство давило бы консерваторов, „Новое Время“ и т. д. Если же мне выбирать, то я лучше уже выберу Владимира Александровича: он заживной вор и не будет так страшно воровать.

И. И. Горбунов рассказывал о предстоящем в Воронеже судебном процессе старого единомышленника Л. Н.-ча, Н. Д. Ростовцева, обвиняемого в распространении запрещенных сочинений Л. Н.-ча. Защитником должен выступить Муравьев. Это будет первый в России гласный суд по делу о распространении противоправительственных сочинений.

За завтраком Л. Н. читал вслух из привезенных И. И. Горбуновым корректур „Круга чтения“ день 1-го января. Он прочел мысль Торо о том, что надо торопиться читать хорошие книги, и ядовито написанное рассуждение Шопенгауэра о вреде плохих книг.

— Он мастер ругать, — сказал Л. Н. про Шопенгауэра. — Не могу сказать, какую я чувствую свободу с тех пор, как перестал читать газеты.

— Журналы тоже не читаете? — спросил Ив. Ив.

— Журналы тоже. Есть Диккенс, Гюго, Эмерсон, Чаннинг.

— Ну, эти кажутся теперь скучны.

— Мне не скучны, — сказал Л. Н., — меня они интересуют. А теперешних — Горького, Андреева — не стоит

читать. У меня выписаны названия 30 хороших рассказов Чехова. Один из них сильный, но грязный. Из них есть хорошие про детей: „Детвора“, „Беглец“.

(Вот этот список рассказов Чехова, отмеченных Л. Н.:
I-го сорта: Детвора, Хористка, Драма, Дома, Тоска, Беглец, В суд, Ванька, Дамы, Злоумышленник, Мальчики, Темнота, Спать хочется, Супруга, Душечка.

II-го сорта: Беззаконие, Горе, Ведьма, Верочка, На чужбине, Кухарка женится, Канитель, Перешолох, Ну, публика, Маска, Женское счастье, Нервы, Свадьба, Беззащитное существо, Бабы. Список этот составлен не из всех рассказов Чехова).

В. А. Кузминская спросила, что читать? Л. Н. посоветовал:

— Читай Достоевского, у него есть шедевры, как „Записки из мертвого дома“. Гоголь хорош. . .

После обеда Л. Н. прочел вслух „Душечку“ Чехова. Два раза прекращал чтение от смеха и передавал книгу Ив. Ив-чу, а конец с трудом мог дочитать от подступавших к горлу слез умиления. Потом прочел свое послесловие к „Душечке“. Читая о том, в чем он видит призвание и высшее достоинство женщины: в самопожертвовании, в любви, — Л. Н. зарыдал и кончил чтение со слезами на глазах и в голосе.

Потом спросил, не будет ли обидно почитателям Чехова, что он пишет про него: что он хотел в „Душечке“ осмеять женщину, но бог поэзии не позволил ему этого, и он изобразил ее высокое самопожертвование.

— Позволят ли наследники Маркса перепечатать „Душечку“? — сказала С. А.

Л. Н. ничего не ответил; только значительно позже, когда стали уже расходиться, он сказал И. И. Горбунову, чтобы он написал наследникам Маркса, что он, с своей стороны, позволяет им перепечатать его послесловие к „Душечке“.

— Попов¹⁾, — сказал Л. Н., — ходил к издателям по этому делу. Они требуют, чтобы я лично обратился к ним за разрешением, а мне это неловко.

Л. Н. хвалил И. И. Горбунову последний рассказ Наживина „В сумасшедшем доме“ и сообщил ему 28 тем задуманных им рассказов.

— Вот какими мечтами я занимаюсь, — сказал Л. Н. — Поша²⁾ верно говорил мне, что это были бы колокольчики, привлекающие внимание. . .

¹⁾ Корреспондент „Руси“. См. запись от 27 декабря 1904 г.

²⁾ П. И. Бирюков,

Был разговор про декабристов.

— Насколько они были сильнее теперешних либералов и революционеров: имели на своей стороне войско,—сказал Л. Н.

Т. А. Кузминская говорила, как газетные известия удручают ее мужа.

— А мне как легко без газет,—сказал Л. Н. — Старый я человек, привычка читать письма и газеты за утренним кофе была у меня всегда сильна. Я думал, трудно будет отвыкнуть. Решив, однако, не читать, как раньше -- не курить, стало даже приятно.

Потом Л. Н. спросил Т. А. Кузминскую относительно гульбского инцидента. Она утверждает, что все русские, дежурившие эту ночь, видели собственными глазами, что там были японские миноносцы. Такого же мнения держится и Кладо. — Сын Кузминских рвется на войну и едет со второй эскадрой. Ее зять тоже хочет ехать.

— Так и следует, раз они солдаты, — сказал Л. Н. — Но русским трудно теперь отыграться. Надо сознаться, что война проиграна, и покаяться, что пустились в нее.

Л. Н. по утрам делает комнатную гимнастику.

7-го февраля 1905 г.

Сегодня В. А. Кузминская и М. А. Эрдели смотрели „Порку“ Орлова, а потом рассматривали висящие на стене в кабинете Л. Н-ча снимки с других его картин. Удивлялись некоторым фигурам: где Орлов подобрал их?... Сам Орлов рассказывал, что за кабатчиком для картины „Освящение монополии“ он ездил в Тамбовскую губернию.

— Я не знаю ни одного художника, который бы так знал и изображал русский народ, как Орлов,—сказал Л. Н. И этот самый Орлов говорил вчера, что ищет себе место на железной дороге, чтобы прокормить семью. Третьяковская галерея перестала покупать его картины, а покупает декадентские. Стыдно России!

Вчера приехал ко Л. Н-чу корреспондент „Matin“, француз. Сегодня, когда он уезжал, Л. Н. сказал ему:

— Dites à Petersbourg que je suis tranquille. Je tiens avec Pascal, qui a dit: il'y a des gens qui savent et sont tranquilles; il'y a des gens qui ne savent pas et ils au-si sont tranquilles; il'y a des gens qui croient qu'ils savent et ils bouleversent le monde. (Скажите в Петербурге, что я спокоен. Я согласен с Паскалем, который говорит: есть люди, которые знают и спокойны; есть, которые не знают и также спокойны; и есть, которые думают, что знают, и они-то мутят мир).

Корреспондент этот рассказывал, что после убийства Сергея Александровича царь машет руками и бегаёт от людей — как-будто бы сходит с ума. Хоронить Сергея Александровича будут в Кремле — в Петербурге бояться (от Зимнего дворца до Петропавловской крепости далеко). Владимир, Алексей, Мария Федоровна, Победоносцев, Трепов, Лопухин получили угрожающие письма.

С Ив. Ив. Горбуновым Л. Н. просматривал корректуру „Круга чтения“. Позвал к себе в кабинет и меня, чтобы я запоминал из того, что скажет Ив. Ив., то, что Л. Н. мог бы забыть.

За обедом сказал:

— Написал я письмо французу, корреспонденту „Matin“, чтобы он не писал про гурийцев, чтобы не повредить им, особенно связывая их со мною. Вот он будет в Москве на похоронах Сергея Александровича, — прибавил Л. Н.

Приехал из Петербурга П. А. Сергеенко. Он рассказывал, что убийство Сергея Александровича не произвело в Петербурге никакого впечатления после 200 убитых 9-го января. Еще рассказывал про Гапона, о котором Файнерман писал Л. Н.-чу, что это человек не религиозный, не христианского духа.

— Правда, — сказал П. А. Сергеенко, — в нем нет ничего христианского. Он человек легкомысленный. У него, когда ему было 26 лет, умерла жена, и в него влюбилась великая княгиня и хотела сделать его архиереем. После этого его послали в монастырь в Крым.

Опять говорил Л. Н. о том, как хорошо не читать газет, насколько меньше испытываешь раздражения. А вчера он сказал И. И. Горбунову:

— Сколько злобы и ненависти в газетах! Если бы человек мог уменьшить их, тогда бы хорошо; а если нет, то хоть не надо их слушать, не осквернять себя.

— Я перестал читать газеты, — сказал сегодня Л. Н. — Вчерашний случай приведет меня к тому, чтобы не принимать и корреспондентов. А хорошо бы перестать читать и письма.

Л. Н. рассказывал П. А. Сергеенко о предстоящем разборе дела Н. Д. Ростовцева.

— Ростовцев, — сказал Л. Н., — это старик, желающий только добра, прокурор это знает. Вчера я читал обвинительный акт: как он подло составлен!¹⁾ Кто же поступает подлее: те ли, которые в Петербурге стреляют в рабочих, или эти судьи, прокуроры?... И эти прокуроры

¹⁾ Обвинительный акт по делу Ростовцева перепечатан в книге А. С. Пругавина: „О Льве Толстом и толстовцах“. Москва, 1911.

вступают в либеральные комитеты! Они же обвиняют сектантов — и требуют свободы печати, свободы совести!...

Вечером Л. Н. жаловался, что у него болит указательный палец. Когда он подавал тарелочку, то вскрикнул от боли.

8-го февраля 1905 г.

За завтраком С. А. прочла вслух газетное сообщение о том, что ее знакомый Теплов убил своего 5-тилетнего сына, а потом и себя самого. В письме, которое он оставил, он пишет, что в том положении, в каком он находится, он не может служить науке и потому убивает себя, а для того, чтобы его сын не страдал неврастенией, которой страдал он сам, он убивает и его.

— Прямое сумасшествие, — сказал Л. Н. — Представлять себе, что он должен в науке что-то сделать, и что 5-тилетний ребенок неврастеник! Надо жить естественной жизнью, тогда никакой неврастении не будет.

— На картине Н. В. Орлова „Порка“ палач — дурачок. Почему это? — спросила В. А. Кузминская.

— Все они дураки, — ответил Л. Н.

Вечером я ездил к больному в Бабурино ¹⁾. Вез меня Федор Еремычев. Я спросил его, как он познакомился с Л. Н.-чем. Он рассказал, что 27 лет тому назад его отцу поездом оторвало ногу, когда он пьяный шел по рельсам. Л. Н. отправил его в Тулу, платил за него в больницу, нанимал для него рабочих в рабочую пору, дал его семье корову, похоронил.

— Мне тогда полтора года было, — сказал Федор, — Заботился о нас, как отец родной. И с графиней к нам ходили.

9-го февраля 1905 г.

Сегодня за обедом П. А. Сергеенко рассказывал, что японцы стреляют по русским позициям в Мукдене из тех пушек, которые они забрали в Порт-Артуре. Они обошли русских на 300 верст к северу. Позиции, которые должны брать русские, они ночью поливают водой и потом расстреливают на нем штурмующие их русские войска. У них почти нет кавалерии; а русская кавалерия среди холмов бесполезна.

Л. Н. — Давно, всегда я говорил, что кавалерия не нужна. Штурмы немислимы, картечью их всегда отобьют. Нужно только немного казачества для разъездов.

¹⁾ Деревня вблизи Ясной Поляны.

Потом Л. Н. заговорил о Диккенсе. П. А. Сергеевко спросил, помнит ли он, перечитывая его теперь, свое первое впечатление от него?

— Нет,—ответил Л. Н.,—он новый для меня. В молодости я прочел его, зачитывался им, как Руссо, Шопенгауэром.

Серг. — Не он имел на вас главное влияние?

Л. Н. — Нет, Стендаль¹⁾, как я уже много раз говорил.

Серг. — Вы не были у него в Англии?

Л. Н. — Не посмел, да и плохо говорил по-английски. Я ехал на Запад с целью узнать о воспитании. Это теперь так: если жена не нравится, женятся на другой; если хотят познакомиться с человеком, то идут к нему без стеснения. . . . Видел я Диккенса в большой зале; он читал о воспитании. Я тогда разговорный английский язык мало понимал, знал его только теоретически, читая. . . . Тургенев,—он часто ошибался,—прочел критику на Диккенса в „Athenaeum“ (был такой английский литературный журнал), на его описание сбора винограда под Mont Cenis, и по этой критике судил, что он деланный, манерный. А это именно хорошо описано. Но критик так написал, и Тургенев дал себя обмануть. Колечка Ге²⁾ верно сказал: „Критики, это—глупые, рассуждающие об умных.“ Диккенс—гений, которые родятся раз в 100 лет, а критик его давно забыт.

Потом Л. Н. с Александрой Льв. и Юлией Иван. припоминали различные произведения Диккенса, при чем Л. Н. часто восклицал:

— Как хорошо, как хорошо! . . .

После обеда С. А. прочла вслух газетное сообщение о том, что в Баку татары напали на армян и ранили сто человек.

— Это кровная месть,—сказал Л. Н.

— А я думаю, что это—месть армянам за их эксплуатацию,—сказал я. — Народ везде ненавидит армян, точно так же как и евреев, потому что оба эти народа—торгаши.

— А меня ненавидят за то, что я говорю, что не может это быть без причины, что не любят армян и евреев,—сказал Л. Н.

С. А. прочла еще, что какая-то княжна (фамилии ее я не расслышал) приехала на похороны Сергея Алексан-

¹⁾ Псевдоним французского романиста Анри Бейль (1783—1842). автора романов: „Chartreuse de Parme“, „Rouge et noir“ и др.

²⁾ Н. Н. Ге, сын друга Л. Н.-ча, художника Н. Н. Ге.

дровича. Л. Н. сказал, что он был знаком с нею, и что она была хорошая девица.

— Когда мы познакомились, и она подала мне руку, я пожал ее, а требуется, чтобы поцеловать руку, а я этого терпеть не могу. Теперь ей 45 лет. Она выставила свои брильянты—они стоят 7 миллионов рублей—в пользу раненых. Лучше бы она продала их за полмиллиона и эти деньги пожертвовала.

— Видели вы книгу о назаренах?¹⁾ — спросил меня потом Л. Н. — Хорошая книга. Кто такой Ольховский?

— Бонч-Бруевич.

Я спросил Л. Н.-ча, не думает ли он, как писал ему Наживин, составить чтение для детей и юношества, продолжение его „Книг для чтения“.

— Да, этого бы мне хотелось,—сказал Л. Н.,—это нужнее, чем спектральные анализы... При составлении „Книг для чтения“ я не руководился никакой идеей, никакими религиозными соображениями...

П. А. Сергеенко сказал Л. Н.-чу, что в „Круге чтения“ часто встречается слово „любовь“; но слово это выражает различные понятия, так что надо бы и различные слова употреблять, как „предпочтение“ и др.

— „Предпочтение“ означает отношение любовью,—возразил Л. Н.—Язык нельзя переделать. Он веками образуется... У французов для любви к Богу есть слово „charité“, —тут в сторону милосердия.

— Нельзя любить колбасу, — заметил П. А. Сергеенко. — У немцев для этого другое выражение.

Третьего дня И. И. Горбунов рассказывал, что бастовавшие рабочие Московско-Виндавской жел. дороги между прочими требованиями предъявили то, чтобы время работы известных служащих было сокращено с 6 ч. до 5. Л. Н. сегодня рассказал это, как пример того, как может быть сокращено число часов работы городских рабочих, о чем крестьяне знать не желают, до изнеможения работая в страдную пору осмысленную для них работу.

Л. Н. попросил меня сравнить корректуру „Круга чтения“ с черновой рукописью. Под некоторыми мыслями не было подписей; про одну из таких Л. Н. вспомнил, что она—Сенеки. Сидя в соседней комнате за этой работой, я слышал следующие отрывки разговора между Л. Н.-чем, П. А. Сергеенко и Юлией Ивановной:

— Как хорошо на свете жить!—воскликнул Л. Н.

¹⁾ „Назарены в Сербии и Венгрии“ В. Ольховского. Изд. „Посредника“. М. 1905.

— Действительно? — спросил П. А. Сергеенко.

— Мне в самом деле прекрасно.

Потом П. А. Сергеенко стал рассказывать, что он читал в газетах про Вильгельма II, что он в общей сложности потратил год жизни на охоту на фазанов.

— А я,—сказал Л. Н.,—на лошади проездил года три. С 17 лет до сих пор в общем по 3 часа ежедневно, в молодости даже по 8—10 часов; выходит семь лет. Но не жалею об этом. Самое лучшее. Отлично идет душевная работа.

— Лучше, чем пешком?—спросил П. А. Сергеенко.

— Пешком устаешь.

— А править лошадью не развлекает?

— Нет. Вот велосипед развлекает. Нынче ехал из Деминок¹⁾ лесом 5 верст к Козловке²⁾ и к Овсянникову³⁾. Как хорошо!.. Но надо было смотреть на дорогу: везде ямы, а лошадь их боится.

10-го февраля 1905 г.

Сегодня был Luis Moreto, петербургский корреспондент Eraldo di Madrid, самой распространенной мадридской либеральной газеты. С ним был переводчик. Moreto — благородный, располагающий к себе человек, держит себя с достоинством. У него красивое смуглое лицо с большими карими глазами. На вид ему лет 40.

— Я думал, — рассказывал Л. Н. за обедом, когда Moreto уже не было,—что положу себе палец в рот, но он — человек симпатичный и интересный. Мне испанцы симпатичны... Он член парламента. Образованный, гораздо образованнее, чем многие корреспонденты английские. Я спросил его про Генри Джорджа—он знает его, все читал... Называл министра, который предложил сделать землю общей собственностью и должен был вследствие этого подать в отставку. Молодцы испанцы, подают пример. Я просил выслать мне его книги⁴⁾. Социализма в Испании почти что нет: в парламенте нет ни одного социал-демократа, а анархисты есть, в парламенте их трое, они мирные анархисты, без насилия. Они против консерватизма, католицизма, милитаризма, проповедают крайние взгляды анархизма, — так, как у нас в России... В Кубанской войне⁵⁾ 200 тысяч

¹⁾ Деревня вблизи Ясной Поляны.

²⁾ Ближайшая к Ясной Поляне почтовая и железнодорожная станция Козловка-Засека (4 вер. от Я. П.).

³⁾ Деревня в 6 верст. от Я. П.

⁴⁾ Морето в скором времени исполнил эту просьбу Л. Н.-ча. Д. М.

⁵⁾ В 1878 г. с повстанцами Кубы и затем с Соединенными Штатами.

погибло. Это много на 20 миллионов жителей. Колоний теперь у них нет. С испански говорящим миром они в близких отношениях. Он был на Кубе во время последнего восстания, говорил против войны, и за это против него так озлобились, что он чудом спас свою жизнь. Это было в начале войны¹⁾.

Позднее Л. Н. сказал:

— Как досадно, что предисловие к „Кругу чтения“ потеряно. Не найдется ли оно у Черткова? Вот следовало бы в двух экземплярах переписывать.

Днем уехал П. А. Сергеенко, пробывший три дня; вечером—Н. В. Орлов, прогостивший 3—4 недели. Вечером же уехала обратно приехавшая сегодня баронесса Боде. Она говорила, что теперь Россия не удовлетворится земским собором, а будет требовать конституцию. Когда будет конституция, тогда анархистам не будет работы.

— Анархисты будут и против конституции,—возразил Л. Н.,—но либералы останутся без дела. Читал я подлинные обвинительные акты декабристов; Пестель был за республику. Анархисты—и против республики.

Когда баронесса уезжала, Л. Н. сказал ей:

— Занимайтесь по-возможности меньше политикой.

12-го февраля 1905 г.

Сегодня Л. Н. проехал верхом 20 верст. За обедом между прочим сказал:

— Завтра Гольденвейзер отвезет Ивану Ивановичу²⁾ „Круг чтения“, он должен приехать. Я обещал ему выслать на этой неделе, хотя и не кончил еще. Хотелось бы новые недельные чтения написать.

Л. Н. получил письмо из Москвы от младшего Вогюэ, с вопросом, может ли приехать. Л. Н. телеграфировал ему согласие. Александра Львовна с удивлением спросила:

— Ты примешь его?

— Да, приму. Я перед его отцом виноват. Он мне писал, а я ему не ответил.

Приехал Илья Львович. Он спросил отца, какого он мнения о Стесселе? дурно ли поступил Стессель, что отдал Порт-Артур?

— Дурно,—ответил Л. Н. — С военной точки зрения нельзя так делать. Из-за лисицы сломать ногу лошади—дурно; но если уж идешь на охоту, то нельзя лисицу прозевать.

¹⁾ Описание посещения Морето см. в „Международном толстовском альманахе“ П. Сергеенко. М. 1909, стр. 154—160.

²⁾ Горбунову.

— Будет революция,—сказал Илья Л.

— Она уже есть,—ответил Л. Н.

— Весной, — сказал Илья Л., — ждут восстания мужиков против помещиков: землю возьмут, помещиков вырежут.

Л. Н. — Этого не будет.

Ил. Л. — Да, ясенские из уважения к тебе этого не сделают, а другие сделают.

Л. Н. — Нет. Мужики не станут этого делать. Поднять можно загнилотирирванных фабричных рабочих, но не мужиков ¹⁾.

Ил. Л. — Социалисты бьют на землю, говорят им, что будут делить землю.

Л. Н. — Это может сделать правительство, а не революция.

Ил. Л. — Правительство не уступит. Будет Собор, но это будет только переход к новой форме правления. Земский собор будет бурный и превратится в парламент.

Л. Н. — Ни от какой новой формы правления не будет лучше.

Ил. Льв. рассказал, что когда он на одном собрании сказал, что желал бы, чтобы перемена совершилась мирным путем, то против него поднялись все, особенно социалисты. Социалисты говорят, что надо убить еще 40 лиц: великих князей, Победоносцева, Трепова и других.

Л. Н., между прочим, говорил про американскую писательницу Люси Малори.

— Люси Малори, — сказал он, — спиритка, а как хорошо она пишет! Надо писать сжато и вместе с тем так, чтобы все было высказано.

Вечер от 10^{1/2} до 11 Л. Н. провел с Вогюз. Разговор происходил по-французски. Только раз-другой Л. Н. чу не хватило французских слов, и он говорил по-русски. Я записал частью по-французски, частью в русском переводе.

Вогюз говорил, между прочим, о Дрейфусе. Л. Н. на это сказал:

— Дело Дрейфуса для меня пример, как газеты гипнотизируют публику. Когда изо дня в день газеты пишут о чем-нибудь, люди начинают думать, что это—важная вещь. Вот несправедливость к какому-нибудь Дрейфусу волнует людей, а ужасы, совершаемые в дисциплинарных

¹⁾ Как оправдалось это предсказание Л. Н.-ча! Во время последовавшей затем революции (1905—1906 г.г.) не был убит ни один помещик, даже ни один арендатор — по крайней мере, в газетах не писали об этом. Д. М.

батальонах, тюрьмах в Neuilly, возле Парижа,—нет. Их не видят, не знают об них.

Оказалось действительно, что Вогюэ не знал того, что делается во французских дисциплинарных батальонах, где связывают руки с ногами на спине и так бросают на землю, надевают на большие пальцы загнутых за спину рук винты, которые завинчивают, подвешивают ногами кверху и пр.

Далее Л. Н. сказал:

— Le catholicisme en France m'étonne. Bourget, monsieur votre père ¹⁾, Brunetière ²⁾ sont des catholiques. (Меня удивляет католицизм во Франции. Бурже, ваш отец, Брюнетьер—католики.)

Вогюэ объяснил, что его отец потому католик, что предки его были ярые католики.

— C'est de l'atavisme. (Это — атавизм), — сказал Л. Н.

Потом Л. Н. говорил о борьбе французского правительства с конгрегациями и удивлялся тому, что оно поступало contre le principe de la liberté (против принципа свободы).

Вогюэ рассказывал Л. Н.-чу о том, из каких слоев общества набираются офицеры французской армии; говорил, что приверженцы Дрейфуса стояли за конгрегации; что его отец очень уважал папу Льва XIII; задавал разные неважные вопросы; спрашивал о Тургеневе и Достоевском, которых знал его отец, о Киселеве. Говорил, что Тургенева трудно переводить на французский язык, Толстого легче, и спросил Л. Н.-ча, легко ли переводить с французского на русский.

— С французского на русский трудно,—ответил Л. Н., —с немецкого легче.

Говорили о гонорарах писателей. Вогюэ сообщил, что Бурже получает за романы по 30.000 франков за лист с журналов и, кроме того, получает еще за отдельные издания.

— Тургенев и Достоевский получали за лист по 100 руб.,—сказал Л. Н.

13 февраля 1905 г.

У Толстых часто говорят про собак и лошадей и интересуются их жизнью. Л. Н. знает до тонкостей нрав лошади, на которой ездит, и собак, которые сопровождают его на прогулках. Александра Льв. была сегодня не в духе, потому что собаки искусаили ее Жучку. За столом Л. Н. рассказал все происшествие с Жучкой:

¹⁾ Эжен Мельхиор виконт Вогюэ, критик и публицист (род. 1848).

²⁾ Критик и историк литературы (род. 1849).

— Ехал я на лошади, слышу визг, потом хрипение Жучки: напала на нее собака. Повернул я к ней, но какой-то добрый человек уже освободил ее. Она бежала, голова в крови, вся искутана, на трех ногах. Белка рядом с ней, голова с головой, и так все время до дому, точно сочувствовала ей.

— Душан Петрович удивлялся, — сказала Александра Львовна, — что у нас много про животных говорят. Теперь опять.

На это Л. Н. прочел из „Круга чтения“ изречение Шопенгауера:

„В заблуждении о том, что наши деяния относительно животных не имеют нравственного значения, или, говоря языком общепринятой морали, что перед животными не существует никаких обязанностей, в этом заблуждении проявляются возмутительная грубость и варварство“.

Поздно вечером Л. Н. передал Юлии Ив-не написанные им письма. Корреспонденция его за последнее время очень разрослась. Третьего дня привезли из Тулы 18 заказных писем. Многие просят у Л. Н-ча его автограф, и он всегда посылает его тем, кто прилагает марку на ответ. Но многие, просящие автограф, посылают даже свое письмо без марки, Л. Н. сегодня сказал Вогюэ, что посылать автографы всем желающим обошлось бы рублей 100 в год. На эти деньги проживет год бедная семья.

У Л. Н-ча было сегодня много дела, особенно с корректурой „Круга чтения“. Он спешил с этой работой, потому что обещал сегодня отослать ее И. И. Горбунову и не хотел изменять своему слову, несмотря на то, что ему очень хотелось на место „Часовщика“ и некоторых других недельных чтений написать новые рассказы. Жаловался на трудности работы над корректурами „Круга чтения“.

— Делаю маленькие и большие усилия не сердиться, — сказал он. — Ив. Ив. обещал заняться корректурой, Павел Ал. (Буланже) — тоже, а корректура самая скверная, полна ошибок, местами непонятно, надо сличать с черновиком, подыскивать, так как даже дни перемещены. Много марал. Совсем устал.

Еще Л. Н. жаловался на то, что „Божеское и человеческое“ потеряно. Чертков его не получил. Предисловие к „Кругу чтения“ тоже потерялось.

Ал. Льв-на. — Что же, копии нет?

Л. Н. — Нет.

Ал. Льв-на. — Так у Черткова должно быть.

Л. Н. — Предисловие не так жаль.

Стали играть в волан. Играл и Вогюэ.

— В волян играть,—сказал Л. Н.,— надо быть не эгоистом, надо хорошо подавать.

— Вы любите Шопенгауэра?—спросил Вогюэ.

— Да,—ответил Л. Н.

Заметив усталый вид Л. Н.-ча, я спросил его, как он себя чувствует.

— Теперь чувствую желчь в желудке, стало - быть конец припадка. Каким образом попадает туда желчь? Сначала болит печень, потом изжога и желчь. Устал, дурно расположен, сонлив. Работа не идет, а ее много. Потому и сержусь.

(Л. Н., очевидно, намекал на то, что он только-что говорил на счет Ив. Ив. Горбунова и П. А. Буланже).

14 февраля 1905 г.

Странно слышать англичан, французов, шведов, австралийцев, разговаривающих со Л. Н.-чем по-русски. 50 лет тому назад для француза был только один город, одна страна, один народ. Все-таки мир движется!

Выйдя из своего кабинета, Л. Н. гулял по зале, играл в волян, потом сел за круглый стол. Вогюэ подсел к нему и заговорил о Зола. Л. Н. сказал, что читал его только „Germinal“ и „Le terre“, а больше не читал ничего.

Вечером за чаем Л. Н. спросил Вогюэ:

— Вы говорили, что офицеры у вас получают 200 франков?

— В провинции,— ответил Вогюэ,— в Париже больше: 300. Можно жить, но трудно. Капитаном можно стать лишь через 10 лет.

Не знаю, по какой связи разговора Вогюэ стал рассказывать о том, сколько он получает в месяц от отца.

— Aimez-vous Paris? (Вы любите Париж?) — спросил Л. Н.

— Нет, надо сокращать потребности. Я, к сожалению, не богат.

Л. Н. сказал, что богатство не нужно.

— Кант говорит, — сказал он, — что есть только одно настоящее наслаждение: отдых после труда (прогулка, музыка); значит, за деньги настоящих наслаждений получить нельзя. Я благодарю Бога за то, что живу в деревне. В большом городе не стал бы жить.

Вогюэ. — Elle enivre (он опьяняет).

Л. Н. — Меня бы тоже enivrerait (опьянял). В большом городе деньги потеряли цену. Мы с Тургеневым обедали у Дюссо, нам подали счет на 12 рублей. На эти деньги в деревне купишь корову, молодую лошадь.

Вогюэ. — Но ведь автомобили, путешествия полезны?

Л. Н. — Это все, чтобы убить время. Le sou c'est le travail des autres. (Копейка, это—чужой труд.)

Потом *Л. Н.* спросил *Вогюэ*:

— Памятник Виктору Гюго поставлен?

— Нет. Rodin¹⁾ должен его сделать.

— Не будет голый?—спросил *Л. Н.*— Шаляпин фотографирует свои голые руки.

— У вас есть знаменитый портретист Bonnat²⁾,—сказал далее *Л. Н.*

Вогюэ.—Он писал моего отца, Ренана... А какого вы мнения о Puvis de Chavannes?³⁾

Л. Н. — Искусственен. L'Hermitte и Jules Breton⁴⁾ это—здоровая реакция. Будь они русские, они не удивляли бы; но во Франции они удивляют и поражают. Только они одни хорошие художники, все прочие—ничтожны. Во Франции, где Париж так развращает, они изображают крестьянскую жизнь. Millet⁵⁾ нарисовал очень просто, как собирают картофель, и это навсегда останется искусством.

Потом говорили о Мопассане.

— „Une vie“,—сказал *Л. Н.*,—автобиографическое.

В. — Почему вы так думаете?

Л. Н. — Очень сердечно написано.

В. — Он нежно любил свою мать. Отец у него был такой же невоздержанный, как он сам.

Говорили еще о том, когда лучше писать.

— Работается хорошо днем, после сна,—сказал *Л. Н.*,—а ночью, после целого дня нельзя так ясно мыслить. За работой один работает, другой критикует; а при работе ночью критик спит. Я вполне согласен с Руссо, что лучшие мысли приходят ночью, когда человек со сна просыпается, утром и во время прогулок. У мысли есть свой зенит. Иногда схватишь ее, когда она только-что выступает, —тогда она не будет так сильна, ясна, как на зените, иногда — когда она уже миновала зенит и слабеет...⁶⁾

¹⁾ Роден, скульптор (род. 1840), творец статуй „Медный век“, „Иоанн Креститель“ и др.

²⁾ Леон Бонна, жанрист и портретист (род. 1833), автор портрета Виктора Гюго и др.

³⁾ Пювис де Шаван, художник (1824—1898), автор многих пейзажей аллегорических картин и декоративных работ.

⁴⁾ Жюль Бретон (род. 1827), автор пейзажей и сцен из народной жизни, реалист.

⁵⁾ Жак Милле (1814—1874), художник, автор многих картин из крестьянской жизни.

⁶⁾ Сам *Л. Н.* всегда старался схватывать приходящую ему новую мысль на ее зените и не ленился иногда раз пять в течение ночи зажигать свечу и записывать новые мысли. Д. М.

Можно определить, какие книги писаны ночью. Диккенс и Руссо писали днем, Достоевский — ночью, Байрон — также ночью. В романах Достоевского, в первых главах сказана вся суть, все содержание; дальше идет размазывание. Шиллер, когда писал, выпивал полбутылки шампанского и опускал ноги в холодную воду. Он и пишет соответственно этому: в его сочинениях это чувствуется. В нем есть преувеличение.

— Вы никогда не писали ночью?—спросил Вогюэ.

Л. Н., подумав немного, ответил:

— Ночью я писал план „Власти Тьмы“.

— Вы думаете, что курить во время писания вредно? Чем же?—еще спросил Вогюэ.

Л. Н. — Ослабляет силу мысли и делает неясным ее выражение.

Вогюэ. — Мой отец, когда пишет ночью, с 10 до 4, курит русские папиросы одну за другой, не переставая.

Л. Н. — Ну, так пожалуйста передайте ему от меня, что этого не следует делать, и чтобы он бросил курить.

Тут я хотел налить Л. Н.-чу четвертую чашку чая, но он не дал мне чашку и сказал:

— Чай за разговором—в роде курения,—и обращаясь ко мне, прибавил:

— Как вы развратились у нас!

— Вегетарианских столовых много в Париже?—спросил потом Л. Н. у Вогюэ.

— Есть, но немного. Я знал одного русского вегетарианца, Владимира Соловьева,—бледный, высокий.

— Но он рыбу ел, значит, не был вегетарианец, — сказал Л. Н.

— Хейг, — сказал далее Л. Н.,— писал мне и прислал свои книги и одну другого автора,—пишет мне, как вегетарианство и его теория распространяются в Англии. Я не доживу, но вы, быть может, доживете. . . через 40 лет люди, по крайней мере нашего круга, не будут есть мяса. Вегетарианство, ведь, появилось не сразу, а развивалось. Оно началось на моей памяти, лет 20 тому назад. Как напали на него! Говорили, что человек не травоядное, а мясоядное существо: такие у него зубы, кишки. . . Теперь бросили это, и даже врачи, как Хейг, признают естественность безубойного питания.

Потом говорили о стихах.

— Я вообще не люблю стихов,—сказал Л. Н.—Стихи должны быть очень хороши, так чтобы в них не чувствовалась *la facture* (деланность), подыскивание рифм. У нас Пушкин, Лермонтов, Тютчев—три одинаково больших поэта. У Пушкина слабы его большие вещи. (Л. Н. назвал две,

но я не запомнил.) „Онегин“ хорош, хороши и мелкие вещи. . . У Лермонтова „Демон“ слаб. После них падение: Фет, Майков, Полонский, Апухтин, потом декаденты.

Вогюэ спросил Л. Н-ча, любит ли он Доде? Л. Н. отрицательно покачал головой.

— Кто был у вас из французских знаменитостей — писателей?

— Никто, если не считать Деруледа.

Вогюэ спросил мнение Л. Н-ча о Ренане. — У него прекрасный слог, — сказал он.

— Слог—да,—ответил Л. Н.,—но по взглядам он отвратителен, affreux, immoral (ужасен, безнравственен). Он играет святыми для человека чувствами, понятиями, говорить: tout est possible, même Dieu (все возможно, даже Бог). Иисус для него le charmant docteur (милый учитель). Его мировоззрение в том, что тот, кто послал нас в жизнь, сыграл с нами шутку; надо жить так, чтобы по возможности меньше понимать, что мы dupés (обмануты). Его „L'Abbesse de Juarre“ отвратительна: аристократ и девушка аббатисса вместе посажены, и в ночь перед казнью отдаются любви. Это мышь, пойманная в мышеловку, может жрать сыр. . . Вольтер нравственнее Ренана.

Об Анатоле Франсе Л. Н. сказал:

— У него есть хорошие вещи, но с его материализмом и социализмом я несогласен.

О Диккенсе:

— Он—особенный, выдающийся.

Сравнивая его с Гюго, Л. Н. отдал предпочтение Диккенсу, но Вогюэ не дал ему договорить, почему он так думает. Через некоторое время я спросил Л. Н-ча, почему он ставит Диккенса выше Гюго.

— Гюго отталкивает уже своим пафосом,—ответил Л. Н.

Позднее Л. Н. сказал:

— Вчера должен был приехать наш друг музыкант²⁾, и я рад, что не приехал. Музыка очень трогает меня, до слез,—сердце сжимает. Другие искусства: поэзия, скульптура, живопись—не так.

15-го февраля 1905 г.

Возвращаясь домой в половине первого, я увидел перед домом несколько человек крестьян, дожидавшихся

1) Поль Дерулед (1846—1914), поэт и политический деятель, ревностный пропагандист идеи реванша немцам и возвращения Эльзаса-Лотарингии.

2) А. Б. Гольденвейзер.

Л. Н-ча. Слепой старик лет 50 подал записку, прося передать ее „графу“, и сказал, что они погорели. Я позвал его к себе погреться, пока Л. Н. не вышел. В половине 3-го Л. Н. пришел ко мне и дал слепому денег. Он оказался умный мужик, какими часто бывают слепцы. Спрашивал меня, что слышно о войне. Жаловался на нужду: земли одна десятина, хлеба не хватает; будь 3 десятины — и продавать могли бы.

— Как это взять землю у господ?—говорил он. — Некоторые сами отдадут с радостью, вот как граф: он за ней не гонится, бери.

Еще он рассказывал, что Сергея Александровича убили за деньги. Московский комитет собрал на раненых 6 миллионов, а он отослал 4. Морозов послал 4 вагона одеял раненым, а он продал их на вокзале. Вот за это самое голову ему и сшибли.

За завтраком Л. Н. сказал:

— Уехал француз. Пример того, как аристократия слабеет.... Вогюэ-отец стал писать романы, но, кажется, они у него неудачные. Попал он в академию за то, что написал *Le roman russe*, открыл французам новый мир — русскую литературу... Сорок их, академиком, подобрать трудно, — попадают теперь и слабые. Раньше были более значительные. Или же молодые мне теперь не кажутся такими, потому что я стал стар.

— Работа медленно идет, — сказал далее Л. Н., — хотелось бы кончить статью¹⁾. В старости не то что слабеет ум, — ум сильнее, есть опыт; но промежутки слабости чаще наступают. В молодости это случалось со мной в два месяца раз, теперь же через день. По вечерам не могу умственно работать, разве исключение.

— Не включите ли вы в свою работу, в дополнение к цитате из Макиавелли, цитаты из Победоносцева, чтобы показать, каких взглядов люди управляют Россией? — спросил я Л. Н-ча.

— Нет, только самое яркое. Из цитаты из Макиавелли видно, что правители не могут быть добрыми, как принято считать их. Он объявляет войну, его именем казнят, — как же ему быть добрым!

Вчера, когда Вогюэ уехал, Л. Н. рассказал, что он удивлялся тому, что Л. Н. не бывает при Дворе и не верит в божество Христа.

16-го февраля 1905 г.

Л. Н. жалуется на боли в животе. Извинялся передо мною, что ночью пришлось меня будить ради него.

¹⁾ „Единое на потребу“.

Приехала из Москвы София Андреевна и с нею Федор Алексеевич Страхов¹⁾. Л. Н. спросил его:

— Современные события не волнуют вас?

— Нет, я не поддаюсь течению.

— В такое время надо сохранить спокойствие, — сказал Л. Н. — Мой шурин²⁾, консерватор, который в остзейских провинциях, как прокурор, привлекал к ответственности пасторов, венчавших перешедших в православие, — и их за это лишали места, ссылали, — и вот он стал теперь либералом. Своего ничего нет, плывет по течению.

Сегодня обвенчались Х. Н. Абрикосов с Н. Л. Оболенской. После обеда говорили про них.

С. А. — Попался бедный Хрисанф.

В. А. Кузминская — Да и Наташа попалась.

С. А. — Да, попались оба.

Л. Н. — Жаль их. А хорошо стареть. Да и ваши средние года хороши, — сказал Л. Н., обращаясь к Ф. А. Страхову. — Воспоминания милы тем, что это я — как резина, растянутая и стянутая.

В. А. Кузминская. — Как могут быть воспоминания детства хороши, если ты была тогда такая глупая?

Л. Н. — Наоборот, умная. С твоим братом Мишей, когда он был мал, мы философствовали, и он довольно хорошо понимал. Теперь, когда ему 30 лет, он не понимает: ему мешают лишние знания.

Ф. А. Страхов. — Моя жена говорит: слава Богу, что молодость миновала, ничего в ней нет хорошего.

Л. Н. — Это — женское отношение к слову. Женщины — хотя здесь их две, скажу при них — нечестно относятся к слову, говорят то, чему не верят и чего не думают. Они руководятся чувством.

Ф. А. Страхов передавал непроверенный слух, будто бы убийце Сергея Александровича удалось бежать: его освободили его товарищи, переодетые жандармами. Еще он рассказывал, что в Петербурге, на случай смены правительства, был составлен список новых министров, в котором Горький значился министром народного просвещения.

Вчера были первые два случая оспы в Ясной Поляне. Скарлатиной за зиму в Ясной Поляне переболело около 80 детей.

Узнав, что в деревне появилась оспа, С. А. сказала, что она слышала в Москве, что московская губернаторша

¹⁾ Единомышленник Л. Н.-ча, автор книг: „Дух и материя“, „По ту сторону политических интересов“, „Искание истины“. (М., изд. „Посредника“).

²⁾ Сенатор А. М. Кузминский.

Голицына упала и прикусила себе язык. Призвали доктора, который первым делом спросил ее: „Вы меня не боитесь? Я прямо от дифтеритного больного“. — „Нет“. — Доктор пальцем потрогал рану на языке. На третий день на этом месте начался дифтерит и разошелся по рту, по носу. Девять прививок ей сделали.

— И вы были у оспы, — обратилась ко мне С. А. — Ведь когда оспа, то ничего и советовать нельзя. А между тем вы можете заразить Александру Л-ну, Л. Н-ча. Мало ли докторов умирает от оспы.

— Могу быть вам полезным при „Круге чтения“? — спросил Ф. А. Страхов Л. Н-ча.

— Да, проредактируйте его. Знаю, что вы это сделаете надлежащим образом.

У Л. Н-ча сегодня боли в животе. В одиннадцать часов ушел к себе, лег в постель и положил на живот компресс, Лекарство (ментол) принять отказался.

17-го февраля 1905 г.

Утром приехала София Николаевна, жена Ильи Львовича. В половине четвертого я отправился в Засеку к больному сыну телеграфиста. Обрато я возвращался на санях со Л. Н-чем, который, узнав, где я, подождал меня около Засеки. По дороге Л. Н. спрашивал меня про больного; высказывал сожаление, что старый лес с южной стороны просеки весь вырубает; поручил мне ответить на немецкое письмо из Америки, сказав мне весь ответ по-немецки. Любовался Гордым, на котором мы ехали, и разговаривал о нем с кучером. День был ясный, тихий, мороз — около 5 градусов. Когда мы приехали, Л. Н. удивился, что я был в одном пальто, — видимо, это обеспокоило его.

Александра Льв-на спрашивала меня, как начинается оспа. У нее пузырьки на языке.

— Да, у тебя наверное оспа, — пошутил Л. Н.

Александра Льв-на читала в „Холодном Доме“ Диккенса о том, как девочка заболела оспой и осталась рябой. Вера Ал-на и София Андр. также боятся оспы и спрашивали меня, не нужно ли им сделать прививку. Л. Н. решительно отсоветовал, сказав, что это глупости.

После обеда Л. Н. диктовал перевод из Карпентера о медицине и по этому поводу сказал:

— Есть два способа борьбы с болезнями. Один — в том, чтобы закалять себя, чтобы болезнь не пристала (правильно жить), другой — в том, чтобы, заболев, лечить болезнь. Теперешние медики делают последнее и ставят его

на первый план. Первый способ — медленный, но гораздо важнее.

Ф. А. Страхов, который сегодня читал корректуру „Круга чтения“, говорил Л. Н. чу о некоторых местах из Шопенгауера, которые он находит сомнительными, например, мысль о том, что характер всякого человека неизменен. Этому противоречит то, что мы знаем о человеке. Например, Христово учение переменяет людей. Л. Н. согласился выпустить из этого места три строки. Еще Ф. А. Страхов говорил, что после евангельского текста: „люби ближнего, как самого себя“ в „Круге чтения“ следует мысль Паскаля: „Нужно любить только Бога и ненавидеть только себя“. Эта мысль Паскаля не вполне соответствует мысли евангельского текста. Л. Н. сказал на это:

— Лучше выпустить первое, чем то, что надо ненавидеть себя.

Еще Ф. А. Страхов говорил о том, как сектанты любят книгу Хельчицкого „Сеть веры“. Его сестра, которой нужно было купить эту книгу, нашла во всем Петербурге только один ее экземпляр.

— Удивительно, — сказал Л. Н., — как такие произведения, как Хельчицкий, Ла-Бюэти, „Учение 12-ти апостолов“ остаются незамеченными. Семя, которое глубже западет в борозду, долго не замечают. Знаешь, кто был Хельчицкий? — спросил Л. Н. Софию Николаевну, и кратко рассказал ей об этом мыслителе.

— Книга Ла-Бюэти, — продолжал Л. Н., — появилась после Варфоломеевской ночи. Критики смотрели на нее, как на упражнение в красноречии, софистике. Французы совсем не знают Ла-Бюэти. Вогюэ я и не спрашивал, — наверное не знает.... Монтэнъ написал некролог Ла-Бюэти, в котором отметил его дарования. Он был судьей, умер молодым.

Еще Л. Н. сказал:

— Хорошие книги, талантливо написанные, авторам которых было что сказать, начиная с „Горя от ума“ и до сих пор, цензура не пропускала, но они стали тем более известными, тем больше их читали. Господам Амфитеатровым нечего возмущаться цензурой, их запрещенные книги все равно читать не будут.

Ф. А. Страхов говорил, что немцы просили за Горького, сидевшего в тюрьме, и что его выпустили на поруки за 10 тысяч, собранные писателями.

— Почему это немцам Горький так нравится? — сказал Л. Н. — Я не понимаю, отчего это.

Ф. А. Страхов: — Потому что в России он считается лучшим писателем, вот он у них и распространяется.

— Немцы блестяще пишут, — сказал Л. Н., — когда они цитируют старых авторов, но нового им сказать нечего.

Потом Л. Н. привел слова Бисмарка, включенные им в „Круг чтения“¹⁾, сказав при этом:

— Никогда я не писал о том типе людей, к которому принадлежал Бисмарк. Он был безнравственный, страстный, сильный. Такой был и Бэкон, который был, кроме того, и лживый; Некрасов, Федор Толстой („Американец“²⁾). Этот под старость так молился, что стер себе кожу на коленях.

— А Наполеон? — спросил Ф. А. Страхов.

— Наполеон — нет. Наполеон из того разряда, как Мольтке: холодный, рассчетливый. У него был пульс 40. Он взял одно равенство, и думал, что все христианство, это — *égalité* на пушках.

По какому-то поводу зашел разговор о петрашевце Н. С. Кашкине, с которым Л. Н. подружился на Кавказе, куда Кашкин был сослан.

— Ему 70 лет, он богат, друг Достоевского, Петрашевского, фурьерист, — сказал Л. Н. — затем он служит судьей? . . .³⁾

София Андреевна рассказала, что когда она была в Москве в художественном магазине, то за те 4 минуты, которые она провела там, приходили двое, старик и служанка, покупать карточку „нашего мученика Сергея Александровича“, как они сказали.

— Слава Богу, — сказал Л. Н., — что народ таким образом понимает это дело. Что они сделали! . . .

В „Новом Времени“ от 15-го февраля помещена следующая корреспонденция:

„Внешние известия.

„Граф Л. Н. Толстой беседовал о событиях дня с корреспондентом парижской газеты „*Matin*“. Вот что он ему между прочим сказал:

„Несколько десятков тысяч людей, которые хотят реформ — не русский народ: они лишь бесконечно малая часть его. Не следует забывать, что русский народ состоит из 120 миллионов крестьян, которые очень мало озабочены

1) См. запись от 8-го января 1905 г.

2) Двоюродный дядя Л. Н.-ча, упоминаемый в „Горе от ума“, известный в свое время бретер. В „Воспоминаниях“ Лев Николаевич называет его „необыкновенным, преступным и привлекательным человеком“.

3) Л. Н. познакомился с Кашкиным в 1853 г. в Железноводске; потом они постоянно виделись в 1856 и 1857 г. в Москве. Они были на „ты.“ Кашкин пережил Л. Н.-ча; он умер в 1914 г.

рабочим днем в десять или в восемь часов, вспомогательными кассами и требованиями стачек. Нужно подумать о том, что есть огромная масса миллионов людей, обрабатывающих землю, трудящихся и страдающих и желающих лишь одного: чтобы земля, источник их труда и лишений, была их собственностью. Да, крестьянин имеет лишь одно в виду: чтобы земля не была предметом торга, купли и продажи; чтобы она не принадлежала государству, но чтобы она была исключительно общественной собственностью всех тех, которые в поте лица и в изнеможении тела работают с целью сделать ее плодотворной...

„Русский народ не думает ни о какой революции. Впрочем, революции были возможны в конце XVIII и в первой половине XIX века. В настоящее же время правительства обладают слишком многочисленными средствами для репрессии, чтобы была возможность их вообще ниспровергнуть. Посмотрите, в столицах даже мостовые заменены асфальтом; как же вы хотите возобновить баррикады?

„Граф Толстой, по словам корреспондента, на ответственности которого мы всецело оставляем цитируемые мнения писателя, отрицательно относится к республиканскому режиму, называя его замаскированной деспотией“.

18-го февраля 1905 г.

Приехали Ив. Ив. Горбунов и Сергей Дмитриевич Николаев¹⁾. Они рассказывали, что в Гурию посланы войска. Говорили также, что в Москве полиция хочет устроить демонстративное шествие к месту убийства Сергея Александровича и вербует для этого рабочих. Можно опасаться, что студенты устроят антиманифестацию, и полиция пустит на них рабочих.

Вечером Л. Н. читал вслух свою новую статью „Единое на потребу“. Ему нездоровилось, и начав чтение с одушевлением, он постепенно все более и более потухал, все больше и больше спешил и под конец читал уже монотонно. Те места, где он обличает царей за их преступления, Л. Н. читал заметно быстрее и более тихим голосом, как бы перебегая через них. Но София Андреевна все-таки и во время чтения и после него выражала мнение, что надо бы смягчить эти места.

¹⁾ С. Д. Николаев, единомышленник Л. Н-ча, переводчик его любимого писателя Генри Джорджа. Скончался 17 июля 1920 г.

19-го февраля 1905 г.

Раньше, бывало, я поощрял тех, кто желал посетить Л. Н-ча, теперь же, напротив, отговариваю от этого. Л. Н-чу трудно с посетителями; он должен напрягать для них свои силы, тратить на беседу с ними время, которого у него не хватает для своих очень важных работ.

В. А. Кузминская и М. А. Шмидт говорили, как Л. Н., рад, что Страхов помогает ему в работе над „Кругом чтения“, и желает, чтобы он подольше остался в Ясной.

За обедом говорили о войне. Л. Н. вспомнил про Севастополь:

— Меня в Севастополе, — сказал он, — поражало, как могут старые, седые люди заниматься этим делом. Когда я туда приехал, я стал искать начальника артиллерии, чтобы явиться к нему. Мне его показали. Он сидел грустный на бревне. — Зачем вы сюда приехали? — спросил он меня. Это был Кишинский (?), он замечал Меньшикова, который проиграл сражение.

Ю. И. Игумнова рассказала, что в газетах пишут, что японцы при Тиенлине обошли русских, разрушили мост и на несколько верст железную дорогу.

И. К. Дитерихс сказал, что его брат, который служит в штабе, в начале войны был уверен, что русские побьют японцев, и что русским нужно наступать; теперь же пишет, что русским нельзя ни нападать на японцев, ни защищаться от них.

— Куропаткин, — сказала Софья Андреевна, — говорят, ищет смерти, не хочет вернуться в Россию. Почему же он не сознается, что нельзя выиграть войну?

И. К. Дитерихс. — Он думает: а может-быть, японцы сделают какую-нибудь ошибку?...

Л. Н. — Играет кто из вас в шахматы? Вот я иногда играю с Гольденвейзером. Он все время играет во всю силу, я — небрежно, иногда даже умственно отдыхаю, и думаю, что он ослабеет, перестану внимательно следить, а он все продолжает с той же внимательностью, расчетливостью, точностью. Так и японцы: они все делают точно и обдуманно, а наши кое-как.

— Если бы наших вел какой-нибудь Бисмарк, — сказал И. К. Дитерихс.

— Мольтке, — заметила С. А.

— Да, Мольтке, — согласился Л. Н.

По какому-то поводу Л. Н. вспомнил сказку Салтыкова о том, как мужик двух генералов прокормил, и рассказал ее содержание.

Ф. А. Страхов рассказал содержание рассказа Салтыкова: „Рождественская сказка“. Мальчик слышит в церкви проповедь священника о том, что надо жить по правде, и под влиянием ее хочет так и жить. Но все окружающие, в том числе и тот самый священник, который говорил проповедь, внушают ему, что это это только так проповедуется в церквях, а на самом деле жить по правде невозможно. Мальчик от сильного потрясения заболевает и умирает.

Потом говорили про Андрея Львовича.

— Он во всем искренний, — сказала В. В. Нагорнова, — я его люблю, и все: дядя ¹⁾, Саша ²⁾ — любят его.

Говорила, что ему придется держать в Петербурге экзамен на офицера, и что это будет стоить 3000 рублей. Там распространено взяточничество. Заставляют брать очень дорогие частные уроки, после чего „с гарантией“ идут на экзамен.

Слушая это, Л. Н. молчал и грустно улыбался.

Ф. А. Страхов рассказал, что он когда-то писал Драгомирову и получил от него ответ. Оригинал письма Драгомирова был взят при обыске у Дунаева; копия сохранилась.

С 7 до половины 10-го Ф. А. Страхов читал Л. Н-чу свои предложения исправлений различных мест „Круга чтения“.

Привезли большую почту из Тулы, много рукописей, книг, журналов, писем. Л. Н. роздал всем прочесть то, что кому интересно: В. А. Кузминской — французские стихи, И. К. Дитерихсу — какую-то книгу о восточной литературе; кое-что дал Софье Андр., Александре Льв. и мне. Некоторые рукописи передал Юлии Ив. с просьбой вернуть их авторам, написав, что ему некогда читать их. Про номер *Simplicissimus*'а ³⁾ сказал, что он отвратительный: одна кровь.

— Стасов ⁴⁾ прислал мне, — сказал Л. Н. Александре Льв., — французскую книгу о Екатерине. Будь я 8 человек, я прочел бы ее, но я — $\frac{1}{8}$ человека.

Прочитав полученные из Тулы письма, Л. Н. сказал:

— Сегодня я получил письмо от Eulenstein'a ⁵⁾, и прошу Душана Петровича ответить ему, где я писал о Генри Джордже. Как это радостно, что люди интересуются Генри Джорджем!

¹⁾ Лев Николаевич.

²⁾ Александра Львовна.

³⁾ *Simplicissimus* — мюнхенский юмористическо-сатирический еженедельник.

⁴⁾ В. В. Стасов (1824—1906), археолог, художественный и музыкальный критик. По просьбе Л. Н-ча, он доставлял ему для его работ некоторые книги из Императ. Публ. Библиотеки, где он был библиотекарем.

⁵⁾ Bernhard Eulenstein, автор книги „Die einzige Steuer“ (Berlin, около 1894), пропагандист взглядов Г. Джорджа в Германии.

Eulenstein пишет, что Генри Джордж оставил после себе большое сочинение „The Science of political Economy“, которое „представляет превосходное дополнение к его реформе учения о народном хозяйстве“. Далее он пишет: „С большим страхом весь мир, а также и немецкий народ смотрит на Россию. Страшны страдания, которые терпит народ и армия“.

Л. Н. получил также немецкое письмо от молодого японца, который пишет, что он не может верить в личного Бога, в божество Христа и телесное воскресение, и спрашивает, можно ли, не веря в это, быть христианином. Он читал „Одумайтесь“ и сам противник войны, но когда он передает людям свои взгляды, на него нападают и говорят, что японцы должны защищать себя, а то русские погубят Японию.

— Пишет с японскими тонкостями комплименты, — заметил Л. Н., передав содержание этого письма.

Сегодня Л. Н. был в хорошем настроении. Когда Александра Льв. и В. А. Кузминская играли на двух гитарах, он ударял в такт рукой об руку. Потом подошел посмотреть, как я плясал словенский казачок.

20-го февраля 1905 г.

Приехавший сегодня утром А. Б. Гольденвейзер сообщил слух, будто бы царь провозгласил что-то в роде конституции.

Л. Н. встал раньше обыкновенного; гулял, когда не было еще 9 часов. За чаем вместе с Ф. А. Страховым исправлял плохо переведенные мысли Лихтенберга¹⁾ для „Круга чтения“ и продиктовал свой перевод некоторых из них. Ф. А. Страхов спросил, кто переводил места из Руссо, включенные в „Круг чтения“. Л. Н. ответил, что он сам.

В. В. Нагорновой Л. Н. посоветовал прочесть и перевести Давидсона-Моррисона „A New Book of Kings“, в которой разбираются по очереди все английские короли. Про Викторю в этой книге сказано, что ее заслуга та, что она не вмешивалась в государственные дела. Об Эдуарде ничего не сказано. (Книга была издана в год его коронации).

И. К. Дитерихс сказал, что Эдуард, когда был наследником, был ужасный пьяница и распутник; сделавшись же королем, или действительно изменился, или делает вид, что изменился.

Л. Н. рассказал из Шекспира о Генрихе IV и его друге Фальстафе, как они вместе кутили и обворовывали

¹⁾ Георг Лихтенберг (1742—1799) — немецкий физик и философ.

купцов, пока Генрих был наследником; когда же он стал королем, и Фальстаф пришел к нему, он не хотел с ним знаться.

— Англичанам такая нравственность нравится. — сказал И. К. Дитерихс. — В молодости пусть бесится, а после женитьбы надо быть солидным.

Л. Н. спрашивал Ф. А. Страхова о молоканах, среди которых у Страхова есть знакомые. Страхов ответил, что это — люди, верующие в авторитет Библии. Они говорили, ему что раз он не верит в Библию, значит — он не верит в жизнь вечную и в Бога.

— Это они, как англичане, — сказал Л. Н. — Надо удивляться тупости англичан, как они верят в букву. Да, молокане закоснелые.

После обеда Л. Н. обратился к А. Б. Гольденвейзеру: — Сыграем в шахматы? Вы, как японцы, обдуманно, шаг за шагом, а я — спустя рукава.

Семилетний Сережа (сын Сергея Львовича), играя в волан с Юлией Ив-ной, подпрыгивал от удовольствия. Л. Н. любовался им и весело смеялся, глядя на него.

— У него больше сил, чем у вас, — сказал он И. К. Дитерихсу. — Если ему нужно сделать движение, он сначала раза три подпрыгнет. В этом сила. И не замечает того, что делает усилие.

У Алекс-ры Льв-ны насморк, и от этого глаза кажутся выдавшимися.

— Теперь ты стала похожа на портрет Софии Андреевны, — сказал ей Л. Н., запинаящимся и дрожащим от смеха голосом¹⁾.

21-го февраля 1905 г.

Ф. А. Страхов рассказал, как у него происходил обыск, и как на допросе он разговаривал с прокурором о том, велел ли Иисус платить подати. Прокурор сказал: „Иисус в общем запрещал платить подати, в частном же случае сам заплатил, вынув монету изо рта рыбы; значит, нужно платить подати“. Ф. А. Страхов на это ответил: — „Это все равно, что сказать, что Иисус в общем запрещал ругаться, в частном же случае выругал царя Ирода лисицей; стало-быть, надо ругать царей.“

В „Русском Слове“ от 20 февраля помещен фельетон Дорошевича: „Толстой и сегодняшний день.“ В этой статье Дорошевич пишет:

¹⁾ С. А. писала тогда портрет Ал-ны Льв-ны, очень неудачный, потом стала писать копию с своего портрета, тоже очень неудачно. Л. Н. подсмеивался над обоими этими портретами. Д. М.

„У Толстого спрашивают: „что он думает о войне? о той или другой форме правления? о тех или других способах борьбы? Как нам лучше устроить нашу культурную жизнь?“ С точки зрения Толстого вы спрашиваете: „Какие бы новые выдумать формы рабства?“ Вы ждете совета, ответа? И ответа, который бы вас удовлетворил? И который бы вам помог?

— Это — преступление.

— А что, если преступление совершает И. И., П. П.?

— Тоже преступление.

— Но, позвольте, как же: И. И. ведь вам родственник, и даже близкий?

„Дикаря спросили, что такое добро и зло?

— „Если меня колотят,—это зло. Если я отколочу,—это добро“.

„Толстого спросят: „Какую форму государственного устройства вы считаете лучшей?“ Толстой отрицает государство. По его мнению, это—такая форма общежития, которая и служит источником многих зол. Как же вы спросите человека: „как прочнее устроить то, что вы считаете злом?“

— Вы хотите перевернуть мир? Начните с себя. Сделайтесь другим. И пусть каждый человек сделается иным. И тогда весь мир сделается иным. Никакие же перевороты, кроме переворота каждым самого себя, не помогут. Средство, как сделаться иным: отыщите Бога, делайте все по Божьему.

„А между тем его ответ вызывает глубокое волнение в сердцах: „как Толстой в такую минуту“...

„Что же, значит, Толстой сейчас не нужен?—Нужнее, чем все мы, вместе взятые. Потому что мы исчезнем, а вечность останется. Толстой же занят вечными вопросами человеческого духа. В великом сердце Толстого нет места для индифферентизма.

„Я очень боюсь, что какой-нибудь придиричивый читатель скажет: — „Что это? Вы, кажется, „защищаете“ Толстого?“

— Избави Боже. Я еще не сошел с ума и не собираюсь загораживать Монблан от ветра своей спиной“.

За обедом Ф. А. Страхов говорил об этом фельетоне, что он хорошо написан, и что в нем сказано и то, что Л. Н-ча в России не знают. Он рассказал, что когда он своей племяннице давал читать новые сочинения Л. Н-ча, она неохотно читала их. Но когда она приехала в Дрезден, и там узнали, что она русская, ее стали спрашивать, что пишет Толстой. Ей стало стыдно, и она достала там себе все новые сочинения Л. Н-ча и стала читать их

и зачитывалась ими. Олсуфьев, гусар, путешествуя по Италии, удивлялся, как там интересуются Толстым.

— Дорошевич — несомненный талант, — сказал Л. Н. — Его следовало бы избрать в Академию прежде Боборыкина и Арсеньева. критика „Вестника Европы“.

— Он выше Амфитеатрова? — спросил Ф. А. Страхов.

Л. Н. — Фу, как можно. Когда я читаю рассказ, критику, я всегда спрашиваю: что за человек ты, который пишешь? что ты можешь дать мне? Амфитеатров — дерзкий. Я в нем ничего не нахожу.

Потом Л. Н. говорил, что на старости лет узнает, что нужно есть медленно и хорошо жевать, а не нужно спешить с едой, как маленький Сережа. Спросил у меня, почему такая частая болезнь воспаление слепой кишки: король Эдуард, Орлов, Маклакова, Коля (Оболенский)?

Я ответил, что эта болезнь приписывается объедению, большому потреблению мяса. — Л. Н. опять хвалил Хейга и говорил, как он радуется распространению вегетарианства.

За вечерним чаем Л. Н. попросил А. Б. Гольденвейзера сыграть что-нибудь. А. Б. Гольденвейзер сыграл несколько вещей Шопена и Аренского. Л. Н. хвалил его игру. Во время игры пересаживался с места на место и был расстроен и взволнован. Попросил сыграть еще. После игры был разговор о музыке. Л. Н., между прочим, сказал:

— Напрасно мало ценят Рубинштейна: он был последний из крупных композиторов, в нем есть и старое и новое. После него пошло декадентство. Когда Танеев играл свой композиции, я ничего не понимал: что это такое! . . .

— Моцарт швыряет жемчугами, его композиции полны. . .

— В сонатах Бетховена для фортепьяно и скрипки нет драматизма, как в других, но больше мелодичности. . . .

— Недавно я определил, что такое музыка; музыка — это стенография чувств. Музыка передает состояния души, но не мысли. Музыкальные народы, как цыгане и простой народ, поют напевы без слов или слова искажают. Вагнер, желая соединить музыку с словами, ослаблял ее; а он думал, что творит что-то новое, музыку будущего. . . .

Когда А. Б. Гольденвейзер уезжал, Л. Н. приглашал его опять приехать на Благовещение.

Маленькому Сереже Л. Н. складывал из бумаги японских птиц и учил его, как их делать.

22-го февраля 1905 г.

Л. Н. ходил с Александрой Львовной на лыжах.

Сегодня получено письмо, упрекающее Льва Николаевича в том, что он на стороне консерваторов, — против конституции. Ф. А. Страхов заметил, что надо бы автору этого письма послать статью Дорошевича. Л. Н. сказал:

— Хотелось бы мне написать о науке, что она — то же, что церковь. Церковь выбрала кое-что из христианского учения и провозглашает это за всю истину, и непогрешимую; наука тоже дает лишь часть истины, а самое главное: как жить? — пропускает. Ввела софистику в теологию, юриспруденцию, даже философию.

Был разговор о „Русском Слове“. Ф. А. Страхов сказал, что оно так распространено благодаря священнику Петрову.

— Провинциальный книжный торговец говорил мне, — сказал Ф. А. Страхов, — что теперь мало покупают книг, кроме священника Петрова. Он проповедует не православие, а христианские истины.

— Лихтенберг говорит, — заметил на это Л. Н., — что самые вредные писатели, это — те, которые немного отступают от истины. Такова и проповедь Петрова.

После обеда ко мне вошла Алекс. Льв. и, задыхаясь от волнения, сказала:

— Душан Петрович! Папа сидит в кресле, не шевелится. Не знаю, не заснул он? Идите, посмотрите.

Я застал Л. Н.-ча спящим в кресле в своем кабинете. Очевидно, он заснул от усталости. Ночью он поздно ложится, днем слишком много работает.

Вечером, между прочим, говорили про Лескова.

— У него многословие, — заметил Л. Н., но похвалил его рассказы: „Под праздник обидели“, „Христос в гостях у мужика“, „Коза“. Вспоминал, что Лесков говорил ему о „Петербургской Газете“; „плохая, лакейская газета, но очень распространенная“; поэтому он и помещал там свои рассказы. Там появился его рассказ „Христос в гостях у мужика“.

Ф. А. Страхов говорил о двух рассказах своей сестры Л. А. Авиловой; „Без привычки“ и „Первое горе“¹⁾, которые, по его словам, годились бы для „Круга чтения“, Содержание рассказа „Без привычки“ в следующем. Брат приехал в гости к сестре-помещице. Они поехали в лес на прогулку и услышали, что кто-то рубит дерево. Брат пошел накрыть вора, и увидел бабу с ребенком. Ему стало неловко, и он тихо пошел назад и сказал сестре, что никого

¹⁾ „Первое горе“ было помещено Л. Н.-чем в „Круг чтения“.

нет. Она по лицу его увидала, что он лжет, и сейчас же его в этом уличила, а потом прибавила: „Ну, да это ничего. Это без привычки“.

О рассказе Шедрина „Рождественская сказка“ Л. Н. сказал, что надо бы его поместить в „Круг чтения“.

— Вообще, — сказал он, — „Круг чтения“ не такой, каким мог бы быть. Можно бы много больше собрать хорошего.

Потом Л. Н. прочел вслух, — очень натурально, как будто не читал, а рассказывал, — „Козу“ Лескова.

— Хорошо, только размазано, — сказал он. — „На краю света“ очень хорошо. У тунгуза показана простая, искренняя вера и поступки, соответствующие ей, а у архиерея — искусственная. У Лескова нет чувства меры. И у Горького его нет. Лесков берет „Пролога“, заимствует из них, но искажает их.

Ф. А. Страхов, между прочим, рассказывал, что как только среди русских крестьян начинает распространяться штундизм, евреи уходят от них. Мужики начинают помогать друг другу, ростовщичество, пьянство исчезает, деревня начинает процветать. Еще Ф. А. Страхов вспоминал про своего умершего друга В. Ф. Орлова, которого знал и Л. Н. Он говорил, что около человека всегда стоит справа чорт соблазнов плоти, а слева — чорт духовной гордости, который сейчас же подхватывает человека, одолевшего соблазны плоти, и говорит ему: „Вот какой ты святой!“

Потом Ф. А. Страхов спросил Л. Н.-ча, готово ли у „Божеское и человеческое?“

— Да.

— А что тут „божеское“ и что „человеческое“?

— Два жизнепонимания. Больше ничего.

Около 12 часов ночи Л. Н. спустился вниз и принес мне статью Ф. А. Страхова: „О мысли, слове, деле“.

— Длинна и скучна, — сказал он.

Э. Моод прислал Л. Н.-чу три книги Карпентера: „Civilisation“, „England's Ideal“ и „Angel's Wings“. Он пишет, что ни в „Encyclopedia Britannica“, ни в „Literary-Year-Book“ на нынешний год Карпентер не упоминается. „Карпентер, — пишет он, — замечательнейший, лучший из индивидуалистической школы реформаторов в настоящее время в Англии“.

Далее Моод пишет Л. Н.-чу:

„Мне бы хотелось, чтобы вы знали, как высоко ценятся в Лондоне ваши сочинения, особенно среди интеллигентных рабочих людей“.

Недавно Л. Н. получил письмо от индуса Баба-Бхарати, который, между прочим, пишет:

„Никто не сожалеет о русско-японской войне более, чем я, индус, любящий мир. Вам, западным людям, нужно доверить вашу цивилизацию и вашу религию нам, людям Востока. Теперь, сколько бы наши христианские братья ни называли нас язычниками, мы, с своей стороны, никогда не назовем их этим именем. Если христианство есть то, что христианство делает, мы равны вам. Дайте нам лучшее из вашей цивилизации, но не отнимайте у нас наших древних основ. В этом причина столкновений между Западом и Востоком“.

Другой индус пишет:

„Мой дорогой Mahatma! „Ма“ по-санскритски значит великая душа. И вы это и есть с головы до пят. Вы — единственный человек истинно великий на этом ослепленном властью, омраченном умом, материалистичном Западе“.

23 февраля 1905 г.

Масляница (среда). Л. Н. советовал Алекс-ре Льв-не затопить печку, напечь со школьниками блинов и угостить их, а потом заложить трое саней и повезти их кататься.

— Я так делал со школьниками, — сказал Л. Н. — Раз—это было после освобождения крестьян, в 1861—62 году, — на масляницу, съехалось больше ста учеников, приехали из соседних деревень.

Потом Л. Н. обратился ко мне:

— Знаете, Душан Петрович, из какой муки пекут блины? Из гречневой.

Позднее Л. Н. сказал Юлии Ив.:

— Ваши японцы, Юлия Ивановна, осрамились.

Юлия Ив. удивилась и поспешила возразить, что они, ведь, удачно обходят русские войска. Но Л. Н. продолжал:

— Осрамились в романах. Плохо пишут. У них нет ни одного выдающегося писателя. Просвещение дает народу религия, а у них она бедная. Из европейской культуры они усвоили себе самое дурное, грубое, внешнее: военные приемы... Письма, которые я от них получаю, или наивные (один спрашивает, воскреснем ли мы телесно, как воскрес Христос) или... (Дальше я не дослышал).

— А помните вы, Лев Николаевич, Конисси?¹⁾— спросил Ф. А. Страхов.

— Конисси перевел Лао-Тзе²⁾ буквально, но в смысл не проник,—сказал Л. Н.

¹⁾ Японец, живший в 90-х годах в Москве и бывавший у Л. Н.-ча.

²⁾ Основатель религии таосизма, живший в VI г. до Р. Х. Перевод Д. П. Конисси был напечатан сначала в „Вопросах философии и психологии“, а затем и отдельно: Лао-Си. Тао-те-книг. М. 1913.

— Поедете в Париж? — шутя спросил Ф. А. Страхов Л. Н-ча. — Там ставят вам памятник и приглашают вас.

— Как хорошо в старости, что человек становится равнодушен к этому! — сказал Л. Н. — А в молодости я не был равнодушен.

— Я думаю, вам и в молодости должно бы быть неприятно присутствовать при открытии памятника себе, — сказал Ф. А. Страхов.

— Я рад, — сказал далее Л. Н., — что приезжают Маша¹⁾ и Лизанька²⁾. Не сегодня — завтра помрешь, хочется их видеть.

В. А. Кузминская и Алекс. Льв. играли на двух гитарах цыганские песни. Ф. А. Страхов сказал.

— Эти цыганские песни — те же народные мотивы, но измененные. Не люблю их.

— А я их всегда люблю, — сказал Л. Н. — Удивительно-музыкальный народ цыгане. И у них (Л. Н. показал на меня) они есть. Знают они у вас ноты? — спросил он меня.

— Некоторые молодые знают, а старые — нет.

— Это — как неграмотные мужики, у них память хорошая, — сказал Л. Н. — Неграмотные мужики помнят, на какой десятине сколько уродилось 7—8 лет тому назад.

— А вы скучаете, Душан Петрович? — сказал мне Л. Н.

— Каким образом? — удивился я.

— Как можно здесь скучать! . . . — сказал Ф. А. Страхов. — Вот у нас в Урюпине женщины часто скучают.

— Да, когда нет занятий, — сказал Л. Н.

Читали вслух письмо Л. Н-ча к царю, написанное в 1901 г. в Гаспре. Л. Н. сказал:

— Теперь я уже не стал бы писать царю. Когда Чертков опубликовал это письмо, то мне показалось неделикатным. Но он не ответил мне ни на одно из писем, и я теперь рад, что оно было опубликовано.

Вечером пришел от М. А. Шмидт портной, малоросс Черниговской губернии, простой, умный крестьянин, разделяющий взгляды Л. Н-ча. Зовут его Афанасий Андреевич Корзиков; семейный, на вид ему лет 35. Говорил, что не хочет платить подати, за это у него могут продать машину, на которой он зарабатывает 40—60 коп. в день, или корову. Когда он рассказывал Л. Н-чу про свои споры с попами, Л. Н. отговаривал его от этого, сказав, что с ними надо обращаться как с детьми: они выросли в этой вере.

¹⁾ Мария Львовна.

²⁾ Е. В. Оболенская, племянница Л. Н-ча.

В „Le Matin“ от 9-го февраля напечатана в переводе из „Manchester Guardian“ беседа Л. Н-ча с корреспондентом этой газеты Гарольдом Вильямсом¹⁾ о современном общественном движении в России. В этой беседе Л. Н., по словам корреспондента; между прочим сказал ему:

„Это движение вредное и не могущее привести к цели, потому что сбивает народ с настоящего пути. Конституция не может привести ни к какому улучшению положения народа, не может способствовать его освобождению. Все правительства держатся насилием и угрозами его, — а это противно свободе. Человек истинно свободен только тогда, когда никто не может заставить его делать то, что он считает дурным; и истинно-нравственное направление поступков для каждого человека — в том, чтобы удерживаться от участия в каких бы то ни было делах правительственных: отказываться служить в войске, не служить ни в каких государственных должностях. Агитация в пользу конституции может привести только к обманчивым результатам. Народу совершенно ни на что не нужна конституция. Те, кто теперь производят агитацию, не знают народ и, несмотря на все их заявления о своей любви к нему, на самом деле очень мало заботятся о народе, даже презирают народ. Народ желает одного: земли. Я думаю, что самое лучшее было бы созвать земский собор.

— Но как же вы согласуете эту мысль с несправедливостью всякого государственного устройства?

— Я хочу только сказать, — ответил Толстой, — что царь поступает неразумно с точки зрения своих интересов, не созывая собора“.

В „The Standart“ от 3-го февраля также помещена беседа Л. Н-ча с корреспондентом Дэвиттом о современном движении в России. (Дэвитт был в Ясной Поляне 19-го января). Корреспондент пишет:

„Я сообщил Толстому, что я приехал для того, чтобы в точности узнать его взгляды на недавнее воскресное кровопролитие в Петербурге и его мнение о ближайшем исходе событий в России. Он ответил:

„Я получил вопросы относительно выражения моих взглядов на это почти из всех стран. Я готовлю общий ответ в форме письма, который я надеюсь выпустить в свет через несколько дней. Я могу сказать от своего имени этим путем больше, чем каким-либо другим“.

В ответ на другие вопросы Толстой сказал:

¹⁾ См. запись от 20 января 1905 г.

„Кажется, что петербургских рабочих уверили в том, что царь, увидев пятнадцать тысяч народа, примет таким образом их петицию. Студенты воображали, что царь может вспомнить случай из первого периода Французской революции, когда то, что началось собранием невооруженного народа, кончилось красной шапкой свободы и восстания.

„Но это не оправдание для войск, стрелявших в мужчин, женщин и детей. Виновники войны с Японией, очевидно, были также виновниками и этой жестокости. Оба преступления прорастают от зла насильственного правительства.

„Если великий князь Владимир дал приказ стрелять, если царь одобрил это, тем хуже для обоих участников такого преступного дела“.

— Не предвидите ли вы, что последствием этих убийств и поранений в Петербурге будет то, что русский народ прибегнет к каким-либо революционным средствам? — спросил я.

— Нет. Массы русского народа не понимают революции в этом смысле. Кроме того, они слишком бедны для того, чтобы купить оружие, между тем как правительство может легко подавить такую попытку, если бы она была сделана.

„Только малая часть народа думает о восстании. Прибегнув к насилию для того, чтобы избавиться от своих бедствий, они были бы совершенно так же неправы, как и царские войска. Никакая великая или благотворная реформа не может произойти в России этим путем. Англия и Америка эксплуатируют народ точно так же, как это делают правящие классы в России, только способы эксплуатации различны. Что нужно русскому народу, в том же самом нуждаются и другие народы,—именно: уничтожение всех принудительных законов, дающих возможность меньшинству властвовать над большинством,—меньшинству, собирающему для этой цели налоги, содержащему солдат и отбирающему землю у народа для своих личных выгод.

— Революция в России наступит,—продолжал Толстой,—но она наступит путем распространения умственного и экономического воспитания и особенно путем того, что люди будут производить революцию в их собственной личной жизни и проникаться истинно-религиозным духом. Но во всяком случае землю народ должен иметь.

В „The New York World“ помещена беседа Л. Н-ча с корреспондентом Мэкенна, бывшим в Ясной Поляне вместе с Дэвиттом. Л. Н., по словам Мэкенна, сказал ему:

— Преступление, совершенное в Петербурге, ужасно. Оно тройне отвратительно: тем, что правительство пред-

писывает убивать народ, тем, что солдаты стреляют в своих братьев, и тем, что нечестные агитаторы, ради собственных низких целей, ведут простой народ на смерть. Я не осуждаю народ, но у меня не хватает слов, чтобы выразить мое отвращение к тем, которые вводят его в обман.

— Но что же дурного в том, что они повели народ поговорить с царем-батюшкой о великих реформах, хотя бы и политических?

— Вы помните, что когда женщина из народа нахлобучила Людовику XVI-му на голову шапку свободы и пригласила его взяться с нею за руки и плясать, он не захотел. Нисколько не больше и народ в Петербурге мог ожидать того, что царь явится к ним, и агитаторы хорошо знали это.

— Но разве народ не революционен сам по себе?

— Нисколько!—воскликнул Толстой. — Городской народ желает только общественного спокойствия для того, чтобы работать на честных условиях; деревенский народ желает только земли. Каждое русское сердце пропитано убеждениями Торо и Генри Джорджа. Но представительного правления русский народ не желает никакого. Напротив, он желает сохранения самодержавной монархии, которая для него—более надежный защитник, чем дворянство и земельная аристократия. В самом деле, царь есть хозяин каждого вершка земли, и он может и должен дать ее трудящимся. Народ знает, что царь может сделать это, и он верит, что он сделает.

— Но если народ увидит, что царь обманывает его надежды, не поднимется ли он тогда?

— Как он может это сделать? Как он может выработать план войны? Как вести сношения для организации восстания? Как безоружным устоять против сильного войска, которое ставит дисциплину выше совести и не задумывается перед убийством многих братьев?.. Никогда не будет в России вооруженной всеобщей революции. Сознательно или бессознательно, народ знает, что правильный путь для него ко всему хорошему — не оружие и убийство, но духовное просвещение; знает, что единственный допустимый и целесообразный способ действий есть пассивное сопротивление и война путем воспитания.

24-го февраля 1095 г.

Просительные письма, получаемые Л. Н. чем, он уничтожает. Л. Н. говорил, что просят у него каждый день в среднем 2000 рублей. Хотя большинство таких писем Л. Н. уничтожает, не показывая никому, но их все-таки довольно

много остается среди прочитанных им писем. Недавно японец, изучающий богословие в американском университете, писал, что, прочитав сочинения Л. Н-ча, он хочет бросить университет и вернуться на родину и просит у Л. Н-ча денег на дорогу. Какой-то генерал, лечущийся за границей и проигравший 80.000 рублей, просит 1400 рублей, чтобы „до конца проделать лечение“; учащиеся разных учебных заведений (много евреев) просят денег, чтобы продолжать учение, и т. п.

Мне говорили, что Л. Н. сказал как-то, что он не любит три рода писем: 1) когда просят автограф; 2) когда просят денег, и 3) когда присылают рукописи,

Из иностранных писем, полученных Л. Н-чем за последнее время, мне показались более интересными три:

1) Из Люксембурга поэт присылает немецкие стихи против войны, написанные под впечатлением слов Л. Н-ча о войне, приводимых в книге Бурдона „En écoutant Tolstoi“.

2) Geogruue Huguot, председатель Толстовского общества в Дижоне, присылает устав Общества и просит Л. Н-ча быть его почетным председателем.

3) А. В. Kothatka из Индии спрашивает, не знает ли Л. Н. человека, умеющего лечить проказу. Его друг заболел проказой.

Сегодня должна появиться в „Times“ статья Л. Н-ча „Об общественном движении в России“.

За обедом Е. В. Оболенская говорила про свадьбу Х. Н. Абрикосова с ее дочерью. Л. Н. сказал:

— Все, кто знает Абрикосова, любят его. Таких мало.

— Был у меня, — сказал потом Л. Н., — корреспондент „Northamerican“, — расфранченный, какой у него жилет, перстень, цепочка! Ограниченный, необразованный человек, ничего не понимает. Я спросил его, есть ли у него Торо. — Да. — Что вы его читали? — Он пробормотал что-то непонятное. Евангелия тоже не знает (о фарисее и мытаре). Его внешность идет к нему.

Е. В. Оболенская спросила, правда ли писали в газетах про англичанку, бывшую у Л. Н-ча в Крыму, которая ничего не читала из его сочинений?

— Это была русская, — сказал Юлия Ив-на. — Дорошевич в своем фельетоне смягчил это.

Е. В. Оболенская: — Я читала этот фельетон. Хороший. Он советует интервьюэрам читать твои сочинения, тогда им не нужно будет приезжать с излишними вопросами.

Peter Ostergard, издающий в Берлине „Führende Geister“, просит Л. Н-ча прислать ему свою автобиографию

и фотографическую карточку. Он пишет об этом уже третий раз.

— Ответьте ему, — сказал мне Л. Н., — что мне некогда, пусть обратится к Сергеенко. А еще второе письмо масона, этому ответчу, а не то — вы ответьте. Ах, вся эта литература, интервьюэры, аферы!.. Приезжает совершенно непонимающий человек, с переводчиком, все это стоит огромных денег, и все только для того, чтобы была сенсация для публики. Ну, что же он может написать про меня? Некогда с ними заниматься. Если бы это привело к чему-нибудь полезному, тогда, пожалуй, еще нашел бы время; но они пишут, составляют книги только затем, чтобы собрать деньги. Вот английское издание „Who is who“: биографии, известия об актрисах, писателях, — все это вместе. . .

Потом Л. Н. показал нам присланную ему книгу журнала „Am gauhen Stein. Maurerische Zeitschrift“.

— Масон посылает мне, — сказал он, — эту книгу, там есть статья обо мне; он находит, что я масон, и совершенно сираведливо. Христианство, очищенное от всяких обрядов, братство людей, — все это входит в масонство.

Статья называется: „Leo Tolstoi und die K. K.“, von Br. Werckshagen. Автор пишет:

„Потрясающие мир события на Дальнем Востоке заставляют нас обратить внимание на человека, стоящего позади событий дня, существование и деятельность которого для истории славянского племени наверное значат больше, чем кровавые сражения народов на Дальнем Востоке и мятежи внутри страны. . . Едва ли найдется другой просветитель его типа, в душе которого жило бы столько бессознательного, но все-таки настоящего масонства, как у Толстого.“

„Обращение Толстого есть прямо образец для философов религий. На нем можно с величайшей ясностью познать причины, по которым человек вообще видит себя неизбежно, шаг за шагом, перенесенным из естественного мировоззрения, чувственного и внешнего, в сверхчувственную истину. (Проф. Глогау в своей характеристике русского реформатора).“

Л. Н. ответил масону 7-го марта следующим письмом (в переводе):

„Милостивый Государь,

„Очень благодарю вас за присылку вашей масонской книги. Меня очень радует, что я, не зная этого, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству. Может сделать

и теперь, если только оно будет сообразоваться с требованиями нового времени“.

За вечерним чаем Л. Н. разговаривал главным образом с Е. В. Оболенской. Между прочим спросил ее:

— Коля ¹⁾ занимается политикой?

И потом сказал:

— Если бы те, кто совершили убийство Сергея Александровича, получили бы власть, стали бы во главе правительства, было бы хуже, а не лучше.

Потом Л. Н. говорил о поэте Жемчужникове; потом вспомнил про какого-то шутника, который нарочно толкнул на улице министра Панина и извинился. — „Ничего, молодой человек!“ — ответил ему Панин. Тот на другой день пришел к нему на дом извиняться.

— Это как в рассказе Чехова один чихает на высокопоставленное лицо, — сказала Е. В. Оболенская.

— Чехов отсюда взял сюжет, — сказал Л. Н.

Был разговор о средствах против изжоги, которой страдает Л. Н.

— Мне от изжоги, — сказал он, — лучше всего помогает массаж. Народ же в этих случаях жует крупу, горох; и сода хороша. . . .

Еще говорили о газетах. Л. Н. сказал:

— Газеты не стоит читать. Ведь кто пишет их, как сегодняшний американец! Есть столько нужного дела, что даже и некогда. Вот и Душан Петрович, у него в день 20 больных. Мне очень помог старичок-плотник, который сказал: „Когда проходишь мимо кабака, видишь, как там дерутся, прибавишь шагу, чтобы не видеть“. Так и про войну в газетах — не читать ²⁾.

Л. Н. очень доволен работой Ф. А. Страхова над „Кругом чтения“.

25-го февраля 1905 г.

Утром приехали: А. Н. Дунаев, Сергей Львович, Д. В. Никитин, вечером И. К. Дитерихс и С. Д. Николаев.

¹⁾ Н. Л. Оболенский, муж Марии Львовны.

²⁾ Л. Н. и в прежние времена не любил читать газеты. 17 апреля 1879 г. он писал Фету:

„Должен сказать, я добросовестно не читаю газет даже теперь и считаю обязанностью всех отвращать от этой пагубной привычки. Сидит человек старый, хороший в Воробьевке... всеми любим и всех любит, и вдруг привозят вонючий лист сырой, рукам больно, глазам больно, и в сердце злорадия осуждений, чувство отчужденности и чувство, что никого и не люблю, никто меня не любит, — и начинает говорить, говорит и сердится и страдает. Это надо бросить, будет много лучше“.

От четверти десятого до половины одиннадцатого Л. Н. сидел с нами в столовой за круглым столом. Между прочим говорили о Кожушко(?), только-что бывшем в Ясной.

— Он сильный, работающий, не увлекающийся. У него помер ребенок, он сам похоронил его, — сказал Л. Н.

И. К. Дитерихс показал Л. Н.-чу в Open Court портрет японца Soyen Shaku. Л. Н. по этому поводу сказал:

— Вот Дмитрий Васильевич¹⁾, Сергей Дмитрич²⁾, в них есть кое-что свое, с ними интересно поговорить, что-нибудь новое узнаешь; так же и разные народы. Но японцы, со сколькими я ни говорил, ничего нового не дают, — разве шимозу³⁾. Они очень быстро усвоили себе практические изобретения европейцев, даже опередили всех, но в религии у них ничего нет своего. Их Soyen Shaku сумел так же извратить буддизм, как попы — христианство. Что они достигли таких успехов в материальных делах, это указывает скорее на некоторые недостатки духовные, чем на преимущества. Точно так же, как для того, чтобы разбогатеть, нужна узость взгляда и стремление сколачивать рубль за рублем... Перед китайцами же я преклоняюсь. В моем хорошем мнении о них утвердил меня и Александр Никифорович⁴⁾, который никогда не слышал, чтобы русские купцы ругали китайцев, — Кяхту или Пекин, — и всегда говорят, что их отношения с китайцами прекрасные. За всю жизнь мне не удалось поговорить ни с одним китайцем. Я слышал, что Ли-Хунг-Чанг хотел приехать ко мне, но его отговорили, что ему, представителю государственной власти, было бы неприлично ехать ко мне. Ли-Хунг-Чанг умел найти среднюю точку в отношениях с европейцами. Как он знал их и презирал! Брал от них только то, что нужно.

— К нам в банк, — сказал А. Н. Дунаев (он служит в Московском Торговом банке), — приходят китайцы, и все они хорошие. Одно из них я спросил, учился ли он? — Да. — Знаешь 4 книги Конфуция? — Знаю. — Одному я читал Конфуция по французскому переводу, при котором напечатан и китайский текст. Он раздвинул рот до ушей от блаженной улыбки: „Вы умеете по-китайски?“

Говорили об испанцах. Л. Н. сказал, что война с Америкой стоила им 200.000 жизней. Сергей Львович заметил, что и России война с Японией, пожалуй, обойдется столько же.

¹⁾ Никитин.

²⁾ Николаев.

³⁾ Мелинит.

⁴⁾ Дунаев.

Далее Л. Н. сказал, что в испанском парламенте есть два анархиста.

— Один барселонский анархист, — сказал Л. Н., — написал книгу о том, что насильственное правительство есть пережиток древности. Морето обещал мне прислать ее. Другой анархист, когда был министром, предложил проект национализации земли.

А. Н. Дунаев. — Как же он мог быть министром, если он анархист?

Л. Н. — Этого я не знаю.

Кто-то рассказал, что полиция где-то арестовала вагон бомб и 500 револьверов. Бомбы — круглые, величиною с большие апельсины, и со всех сторон торчат гвозди.

И. К. Дитерихс рассказал, что в Саратовской губернии агенты провокаторы натравляют народ на господ.

— Значит, помогают революционизировать его, — заметил Сергей Львович. Далее он сказал, что все-таки три свободы начинают уже входить в жизнь русского общества: свобода собраний, слова, печати; отнять их уже не могут — нельзя.

Потом говорили о войне. А. Н. Дунаев сказал:

— Вчера военный совет решил собрать еще 300.000 армии и послать на Дальний Восток. Не удастся: не пойдут. Теперь уже знают, зачем идут. Раньше не знали, да и Порт-Артур еще держался.

С. Д. Николаев говорил, что он распространяет среди крестьян идеи Генри Джорджа и хочет и дальше продолжать это дело. Крестьяне больше сделают для осуществления идей Генри Джорджа, чем интеллигенция.

Один псаломщик сказал мне недавно про Л. Н.-ча:

— Глаза у него хорошие; слушаешь его — и все еще хочется слушать.

26-го февраля 1905 г.

Масленица. (Суббота). А. Н. Дунаев пек блины для школьников Александры Львовны. Александра Львовна катала их на санях. Л. Н. велел передать, чтобы она ехала с ними в лес, где не так ветрено.

Я ездил к больным и вечером был очень усталый и сонный и ничего не записал.

И. К. Дитерихс передал мне, что Л. Н. сказал сегодня одной из дам:

— Все хорошие русские женщины воображают, что они православные, а они еретички. Они говорят: я православная, но ведь я не могу же признавать мощи, образа и т. д. Какое же вы имеете право выдергивать из православия?

Это все равно, как если бы вы выдернули из бочки две латки и залепили ее бумагой и воображали, что бочка цела. Вы не должны выдерживать из православия ничего.

27-го февраля 1905 г.

По поручению Л. Н-ча, И. К. Дитерихс и Д. В. Никитин выбирали сегодня из „Круга чтения“ самые простые места. Как Л. Н. заботится о своем труде! Все в доме лентяйничает, он один постоянно работает.

Рассказывали последние известия о войне и о волнениях внутри страны. При Мукдене японцы вытесняют русских с позиций. Русских солдат при Мукдене погибло больше, чем при Ляояне. Оттуда увозят запасы. В „Русских Ведомостях“ напечатана корреспонденция из Курской губернии о том, что в Севском и Дмитровском уездах крестьяне жгут помещиков и рубят их лес. То же было недавно в Саратовской и Черниговской губерниях. Посылаются войска. В Киевской губернии три сахарных завода сгорели и были разграблены, — не сказано, кем, но надо думать, что рабочими.

А. Н. Дунаев передавал разговор пленного японского офицера с его, Дунаева, знакомым:

— Как вы думаете, побьем мы вас?

— Нет.

— Отчего?

— У вас нет честных людей.

После обеда сидели все вместе в зале: М. А. Шмидт, Е. В. Оболенская, Софья Андреевна, В. А. Кузминская, Александра Льв-на, Юлия Ив., А. Н. Дунаев, Сергей Льв., Д. В. Никитин. Говорили опять о войне, об отступлении от Мукдена, о проводах запасных из деревень. У одной женщины от огорчения пропало молоко. Один мужик оставил дома мать, 4 детей, брюхатую жену. М. А. Шмидт рассказывала ужасные случаи. Тут вмешался Л. Н.

— Что за охота, — сказал он, — терзаться! Если бы этим можно было помочь, тогда это имело бы смысл, а стоит ли только так, без толку, волноваться?! У каждого свои дела, надо их спокойно делать.

Мне кажется, что газеты в своих сообщениях нарочно преувеличивают ужасы войны, чтобы усиливать недовольство правительством, переходящее в озлобление против него. Из газет это настроение переходит и в частные разговоры.

Позднее Л. Н. заговорил о Диккенсе и рассказал содержание его рассказа, который только-что прочел. Одна лондонская дама позвала к себе провинциалку, чтобы та

переделала ей башмаки, и вот она рассказывает ей про свою судьбу. Дама ей сочувствует. Вдруг та приложила лицо к ее руке, — „такой жест, который говорит“. И у Л. Н-ча глаза наполнились слезами и задрожал голос. Через некоторое время, уже успокоившись, он закончил:

— Что за чудо! Как у Моцарта: пошло, пошло, вдруг — небеса!

Потом говорили о „Красном смехе“ Л. Андреева.

— Я не читал его, — сказал Л. Н., — только перелистывал. Здесь сидел брат его, дожидаясь ответа; я написал, что некоторые места сильные. Но остальное все искусственно и неясно и неопределенно.

Сергей Льв. — Разве кто-нибудь пишет только то, что действительно делается?

Л. Н. — Надо описывать действительность, и описывать серьезно и правдиво, и не изменять ей, как это делают для эффекта.

За вечерним чаем А. Н. Дунаев излагал Л. Н-чу, отвечая на его вопросы, содержание торгового договора между Россией и Германией, заключенного Витте и Бюловым. По поводу этого договора в иностранном журнале была карикатура в двух картинах. Бюлов и Витте встречаются на водах. 1-ая картина. Бюлов: „Как же насчет пошлин?“ Витте исчезает под водой. 2-ая картина. Витте: „Как же насчет займа?“ Бюлов исчезает под водой.

Витте согласился на повышение пошлин на вывозимый из России хлеб, овес и другие сельскохозяйственные продукты. Часть этого повышения, приблизительно 16 миллионов, падет на русский земледельческий класс (на такую сумму дешевле он должен продавать производимый им хлеб); часть — на немецких потребителей, которая пойдет в пользу германского правительства. Русское правительство, с своей стороны, повышает пошлины на ввозимые из Германии земледельческие орудия, приблизительно на такую же сумму, которая пойдет русскому правительству. Значит, русское земледельческое население будет платить приблизительно на 28 миллионов рублей больше, чем платит при теперешних пошлинах. Будто бы Витте заключил заем в 500 милл. марок; четвертую часть купило правительство и, так как курс эмиссии был низкий, оно получило мало денег.

Л. Н. спросил, во сколько обошлась до сих пор война? А. Н. Дунаев ответил:

— По официальным сведениям, до первого января 850 миллионов. Если теперь заключат мир, то еще приблизительно столько же обойдется и контрибуция.

— Но у японцев до сих пор нет основания ее требовать, — сказал Л. Н.

А. Н. Дунаев. — Это на вашем веку третья большая война?

— Да.

— А венгерская кампания?

— Да, но это была маленькая.

А. Н. Дунаев. — Как патристический дурман славы разгорелся в эту войну; да и в турецкую, помню.

Л. Н. — Это всегда во время войны. В статье, которую я теперь пишу, я высказываю мысль, что в русском народе и обществе устанавливаются два новые взгляда: 1) падает вера в церковное догматическое учение, и ее место занимает истинное христианство; 2) что русский народ способен к самоуправлению, что он не нуждается в правительстве. Я хотел описать это в романе о русских поселенцах в Маньчжурии; они устроили там деревни, достали себе даже попа, но не знали никакого правительства. Когда русские с войсками проникли туда, они прислали им становых, открыли кабаки... У англичан, напротив, чувствуется потребность в правительстве. По поводу Левиной статьи я получил письмо от канадца, который гордится английским патриотизмом; пишет, что они могут выставить против России 500.000 войск.

Сергей Львович возразил:

— Англичане завладели морями, главное, мирным путем, и их язык всемирный.

— В Англии и Франции уже совершилось то, что аристократия вырождается, — продолжал Л. Н., — выдающиеся люди происходят из средних классов и из народа. Эта так; хотя и пытаются доказать, что английская аристократия духовно и умственно не пала.

Потом Л. Н. говорил о своей работе над „Кругом чтения“.

— Был у меня слесарь из Тулы, — сказал он, — я говорил ему о „Круге чтения“ и стал ему читать выдержки из Рескина. Трудно для понимания, и я не дочитал, и тут же решил, что надо составить популярные мысли отдельно. Замечали вы это, что каждый писатель пишет для известного слоя читателей? Я теперь для европейско-русского, главное, европейского общества, для образованных кругов. Это плохо!

Александра Льв-на рассказала, что пойманы 4 телятинских и 2 яснополянских мужика, укравшие у садовника корову. А. Н. Дунаев сказал:

— Сколько же пришлось на каждого из них? Не больше 3 рублей!

Он объяснял эту кражу корыстолюбием мужика. Л. Н. возразил, что это спорт, и рассказал, как один телятинский мужик хвастался перед ним тем, как он ловко ворует лошадей.

Сергей Льв. рассказал, как он, будучи земским начальником, осудил конокрада на один год в острог, хотя и не было вполне доказано, что он украл. Заговорили о японских острогах: там все арестанты работают, и все остроги построены ими же. Потом говорили о том, что медицинская часть в японских войсках образцовая, первая в мире. С передовыми отрядами едут врачи, исследуют колодцы, осматривают места для лагерей, ближайшие деревни и города, узнают, какие в них болезни, зараженные кварталы отделиют карантинном и т. д.

После того, как Л. Н. выпил чашку чая, у него усилилась изжога. Он сделал себе массаж, и ему стало гораздо легче.

— Это вы меня научили этому массажу, — сказал он мне.

Сергей Льв., к моему удивлению, в этот приезд не спорил с отцом о конституции, что происходило до сих пор в каждый его приезд.

28-го февраля 1905 г.

Приехала милая, с детским, добрым лицом Мария Львовна с мужем Николаем Леонидовичем. Первый вопрос к ним Сергея Льв-ча был: „Когда нас повесят?“

Николай Леонидович рассказал, что у них мужики убеждены, что как только кончится война, сейчас же будут делить землю; поэтому они настроены серьезно, не пьют вина. К одному управляющему мужики явились прямо с требованием: давайте делить землю. Тот не растерялся и прочел им правительственное сообщение о том, что волнения устраиваются на японские деньги. Мужики ушли.

Николай Леон. и Сергей Льв. думают, что революция будет уже потому, что зима была без снега, и $\frac{3}{4}$ вспаханной земли придется перепахивать.

Сегодня был старый знакомый Л. Н-ча, тульский крестьянин Михаил Петрович Новиков. Л. Н. долго с ним говорил, дал ему прочесть статью „Об общественном движении в России“ и корректурные листы „Круга чтения“. Хотел дать ему с собой „Одумайтесь“ и последние номера „Свободного Слова“, но не оказалось ни одного свободного экземпляра, есть только по одному, некоторых же нет ни одного, так как Л. Н. роздал последние экземпляры. Доставка заграничных изданий сочинений Л. Н-ча не произ-

водится, разве случайно кто-нибудь привезет один или несколько экземпляров той или другой книжки. Чертков правильно посылает Л. Н-чу заказными письмами все свои новые издания в одном экземпляре, некоторые посылает и еще, тоже в письмах. Большими же партиями через границу до сих пор никто не перевозил. Иных русских зарубежных изданий своих сочинений Л. Н. совсем не видит (например, берлинских); не видал он также многих французских (о немецких и говорить нечего) переводов его сочинений.

Вечером за чаем говорили о восточных народах. Л. Н. сказал:

— Я люблю мусульман, их обращение, достоинство, живописность.

Потом Л. Н. читал вслух Диккенса; после него читала Мария Льв-на.

Опять говорили о войне и о японцах. Говорили о тех приемах, которые употребляются японцами: об их ночных атаках, переодеваниях в русские мундиры, о том, что они не останавливаются ни перед какими потерями, лишь бы достигнуть цели, и т. д. Л. Н. сказал:

— У русских есть рыцарство, известные предания; японцы же думают только о том, как бы истребить побольше русских, и, не стесняясь, прибегают ко всяким способам.

Мар. Льв-на. — Мне японцы противны.

Л. Н. — Я ставлю над ними вопросительный знак.

Ник. Леон. — А помнишь Лодиани, который выдавал себя за американского инженера и пришел к тебе с карточкой: *discuteur philosophique, chimique, theolog. etc. etc.?* Мы смеялись. Первый его вопрос был тот, позволят ли ему посмотреть тульский оружейный завод. Глаза косые, скулы выпуклые, по-русски ничего не понимал. Син-Джон говорил, что Лодиани плохо говорил по-английски, и презирал его. Потом он показывал свою карточку в китайском костюме, с жосой, совершенный китаец. Говорил, что это он нарядился для шутки. Пел песни, подобные тем, какие пели японцы, приезжавшие после него. Он был наверное шпион японский, такой же, как те, которых ты видел в питомнике в Засеке. И те приезжали осмотреть тульский оружейный завод.

1-го марта 1905 г.

За столом Л. Н. говорил о тупости ученых, о том, что они не знают ничего, кроме каждый—своей специальности, и что у них не хватает понимания для самого важного: религии,

нравственности. Еще говорил, что биографию Победоносцева в „Энциклопедическом словаре“ Брокгауза написал его враг, изложив в ней все его взгляды, высказанные им в „Московском Сборнике“ и других сочинениях.

При Мукдене ранено 1300 русских офицеров и 40.000 солдат и убито около 25.000. Л. Н-чу тяжело и слушать про Мукден. За обедом Ник. Леон. заговорил об этом сражении, но Л. Н. сейчас же переменял разговор. Несколько дней тому назад было то же самое.

Вечером был очень приятный, семейный разговор без всякого затрагивания общественных вопросов. Л. Н. рассказывал исключительно семейные воспоминания и анекдоты, как всегда, очень живо и остроумно. На заговаривания семейных о войне не отвечал ни слова.

Александра Льв-на ходит в амбулаторию помогать мне с того самого времени, как я начал жить в доме Толстых. Мне говорили, что когда домашние спросили Л. Н-ча, согласен ли он на то, чтобы в доме жил постоянный врач, он дал свое согласие только с тем условием, чтобы врач принимал больных крестьян из окрестных деревень. Александра Льв-на взялась на свои средства содержать амбулаторию и покупать лекарства. Сегодня вместо Александры Льв-ны мне помогала Мария Льв-на.

Сегодня Л. Н. получил от Бодуэна де-Куртене книги о польском восстании 1830 года и другие по истории Польши. Л. Н. был рад им. „Круг чтения“ для народа Л. Н. решил составлять по корректурам, а не по черновикам большого „Круга чтения“.

Никогда я не видал, чтобы Л. Н. потерял терпение, чтобы лицо его хотя бы недовольно искривилось в разговоре с глупым, неприятным или надоедливым человеком.

2-го марта 1905 г.

Л. Н. дал мне прочесть свой немецкий ответ японцу Н. И. Гатича, прося указать ошибки его немецкого языка.

— Это интересно, какие я сделал, — сказал он. — Хотел я написать ему еще про шинтоизм, что это — установление для правительственных целей, но не религия, не учение о смысле жизни.

Затем Л. Н. сказал мне:

— Хейг писал мне. Хотелось бы ответить ему, но есть нехорошие вещи в его сочинениях. Какое это заблуждение: *mens sana in corpore sano* (здоровый дух в здоровом теле). Он думает, что надо воспитать здоровую, крепкую породу людей. Мне бы не хотелось быть здоровым. Физическая сила могла иметь значение для древних. Физическая сила

и духовный рост в обратно пропорциональном отношении друг к другу. Духовный рост совершается, когда физические силы слабеют, и в той мере, как они слабеют. Если бы какой-нибудь волшебник предложил мне молодость, здоровье, я бы отказался.

Мария Льв-на. — А я хотела бы.

Л. Н. — Ты еще не перешагнула Рубикон.

Я спросил Л. Н-ча, почему он за последнее время перестал делать гимнастику гирями, — не потому ли, что желает быть способнее к духовной работе? Я сказал, что, по-моему, только после физической работы, физической усталости дух работает, как следует.

— Я иногда себя упрекаю, — ответил Л. Н., — когда занимаюсь гимнастикой: зачем я это делаю? Лучше, чем работа мышц, способствует духовной работе вегетарианство, правильное пищеварение, хороший сон. После сна приходят хорошие мысли.

(С этого дня Л. Н. опять начал делать гимнастику).

Софья Андреевна читала велух газетные сообщения о мукденских боях. Л. Н. заметил:

— Какое-то новое слово „бой“; раньше говорилось: сражение. Андрюша тоже говорил о „боях“.

Говорили о разных формах конституции, между прочим о японской конституции. Л. Н. сказал, что в Японии нет конституции: микадо решает все.

— Получил письмо от Женевского Общества Руссо, — сказал далее Л. Н. — Буатье, Саломон и другие хотят издать полную „Confession“; стало-быть, до сих пор некоторые места из нее были выпущены, — а также и более полную корреспонденцию Руссо: найдены новые его письма. Сын Мадзини тоже пишет мне, — хотят праздновать l'anniversaire¹⁾. И о Мадзини и о Руссо хотелось бы мне написать, ответить им.

Я сказал, что в надписи на памятнике Вольтеру в Ферне не упомянуто о самой важной его заслуге, — о том, что он раскрыл людям глаза на церковь. Мне кажется, что это объясняется тем, что на составление этой надписи наверное оказывало влияние духовенство.

— Да, — согласился Л. Н.

По поводу письма от Е. И. Попова, Л. Н. говорил о том, какой он нежный, какие у него способности к математике, как его моральная личность должна хорошо влиять на детей.

Потом Л. Н. рассказал несколько анекдотов, очень смеялся, даже надевал что-то.

1) Столетие со дня рождения Мадзини.

3-го марта 1905 г.

Перед обедом Л. Н. сказал мне :

— Я думал о вчерашнем вашем вопросе, насчет *mens sana in corpore sano*. Я недостаточно ясно выразился. После вам скажу.

Вечером приехала из Петербурга С. А. Стахович.

— Как я раньше любил слушать новости из Петербурга, так теперь не люблю их, — сказал Л. Н.

Говорили о том, какие нелепости сообщают газеты, выдавая их за действительные события. Как пример этого, С. А. Стахович указала на появившееся в иностранных газетах сообщение о том, что какой-то русский помещик пашет землю на девушках. Л. Н. по этому поводу сказал :

— Корреспонденты нравственно падают, но хорошая сторона их деятельности в том, что они соединяют людей.

Кто-то сказал, что чай вреден. Л. Н. возразил, что чай, вероятно, помогает пищеварению; очень хорошо пить чай в страдную пору, тем, кто много работает.

— Я спрашивал богомолку, — рассказал он, — сколько дней ей нужно идти пешком до Киева? Она мне ответила : „На чаю 12, а без него дольше“.

4-го марта 1905 г.

Лев Львович пишет, что после поражения при Мукдене в Петербурге большое уныние. Куропаткин потерял $\frac{1}{3}$ армии : 93.000 человек.

Вечером приехал Михаил Львович с женой. Они привезли известие, что Тиелин взят японцами. Л. Н-ча взволновало это сообщение, но он не сказал ничего, только переспросил и замолчал.

Позднее приехал писатель В. Г. Тан, писавший про канадских духоборцев. Он прожил 10 лет в ссылке в Колымске. Колымск в 2800 верстах от Якутска. Зимой там бывает до 50 градусов мороза, так что топор становится хрупким. Тан записал сотни местных песен и сказок. Народ тамошний шаманского вероисповедания, но этики у них нет никакой. Люди импульсивные, им ничего не стоит убить или обокрасть человека, но так же легко и вернуть обратно украденное. Дикая гуси садятся там на дома, пропасть куропаток.

Еще В. Г. Тан рассказывал Л. Н-чу про Суровцева, который просидел 17 лет в Шлиссельбурге и затем также был сослан в Колымск. Он научился садоводству и в ссылке кормился своим трудом; отрицал торговлю, был вегетарианцем на том основании, что убийство было для него

ужасно. Он полагал, что люди убивают людей только потому, что убивают животных для поедания их.

Говорили о том, как скучно жить в таких отдаленных и пустынных местах, как Колымск. Л. Н. возразил на это:

— Количество умственных впечатлений у человека, живущего в лесу, и в публичной библиотеке Британского музея—одно и то же.

Л. Н. спросил, имеет ли будущность Колымский край?

— Нет. Он имел бы будущность только в том случае, если бы можно было согреть землю, — ответил Тан.

Потом говорили о положении России.

— Положение России безвыходное, — сказал Тан. — С одной стороны, наступают японцы; с другой — внутренние волнения. Правительству придется дать свободу печати; тогда радикалы будут так писать, что произведут революцию, придется дать и свободу собраний и другие свободы.

— Из каждого положения есть выход, — сказал Л. Н. — Я думаю, что после этой войны последует большой духовный подъем, наступит перемена, — не правительства, но переменится духовное состояние народа. В основе общественных переворотов всегда лежит религиозное начало.

На слова Тана о необходимости сокращения рабочего времени городских рабочих, Л. Н. сказал:

— Я вопроса о рабочем времени не понимаю.

Тан спросил, что надо теперь делать? Л. Н. ответил:

— Теперь особенно важно не терять спокойствия, не позволять себе увлечься озлоблением... Нужно жить по голосу совести; тогда человеку все легче и легче будет жить, и он и в смерти будет видеть добро.

— Но ведь мир зол, люди злы; каким способом ими управлять, как удерживать их от зла? — спросил Тан.

— Мир настолько зол, — возразил Л. Н., — насколько я сам зол. Раз двадцать случалось в моей жизни, что то, что я считал злом, служило мне к добру, т.-е. было добро. И я все меньше зла нахожу в жизни, все большее и большее благо, и наступает смерть — высшее благо.

Опять заговорили об японцах. Тан сказал, что Япония похожа на Италию: полна художеств. Л. Н. вспомнил, что Э. Арнольд жил в Японии, и жил там, как японец.

Кто-то сказал, что у японцев нет чиновничества, нет канцелярщины. Л. Н. на это сказал:

— Да и другого нет у них: нет у них рыцарства в войне. Всегда были известные нации воинственнее других: Кир, Александр Македонский, Фридрих II, Наполеон, Мольтке, теперь — японцы.

О Китае Тан сказал, что следует ожидать, что он поднимется.

— Нет, — возразил Л. Н. — Китайцы миролюбивый народ, они презирают войну. „Тао“ так глубоко залегло им в душу, что они в этом отношении не переменятся.

— Ну, а война с Японией? У китайцев была и есть армия.

Л. Н. — Это отбросы, полмиллиона людей самого низкого нравственного уровня, а всех их 400 миллионов.

Еще Тан рассказывал про евреев в Америке, которых там 2 миллиона; из них 60% русских. В одном Нью-Йорке их 600.000; „зубастые, атлеты“. Он рассказал следующий случай из жизни американских евреев. Было шествие 50.000 евреев с главным раввином по улицам Нью-Йорка. Из одной немецкой фабрики, где работало 2000 человек, кто-то сверху кинул в толпу дохлую кошку. Евреи бросились на фабрику и разнесли нижний этаж. Пришла полиция и несколькими евреям разбила головы (американская полиция груба). Из этого поднялся такой гвалт, что сам лорд-мэр явился на еврейский митинг извиняться, хотя ему и нечего было извиняться, потому что полиция всегда во всех подобных случаях так поступает.

— В Америке уже есть юдофобство? — спросил Л. Н.

— Из Европы его импортируют, — ответил Тан, — но оно не принимается. Американцы такие же дельцы, как и евреи, они считают наживу и обогащение целью жизни; кто так не поступает, того они считают дураком. Поэтому они не могли понять кишиневских событий; по их мнению, еврей-эксплуататоры поступают правильно, а русский народ глуп: почему же он бьет тех, у кого он может учиться? Еврей достигнут огромного влияния в Америке благодаря тому, что все они отдают своих детей учиться. В нью-йоркском университете 93% слушателей — евреи. Через 20 лет американская интеллигенция, — адвокаты, врачи — будет еврейская. Итальянцы и другие народы посылают детей на фабрики, чтобы они зарабатывали; ирландцы тоже не отдают детей в школы, их дети сами кормятся.

6-го марта 1905 г.

Вечером Л. Н. читал рассказ Авиловой „Первое горе“, понравился ему. Позднее шла общая семейная беседа, в которой принимали участие: Михаил Львович с женой, С. А. Стахович, М. А. Шмидт и Оболенские. Говорили о жизни à la Робинзон, о колымских ссыльных, об Америке. Америка — новая страна, где нет феодалов, династий, государственной церкви, исторических преданий, а рабство такое же, как и в Турции, $\frac{1}{3}$ рабочих без работы. Большие пространства земли в руках крупных собственников.

— Там ужасная продажность в судах, — сказал Николай Леон. — Знают, сколько стоит какое дело, такую сумму и несут в Вашингтон. Тресты всегда выигрывают.

Мих. Льв. сказал, что когда убили Сергея Александровича, он чуть не ревел.

— Мне было ужаснее, — сказал Л. Н., — чем когда 9-го января в Петербурге перестреляли 200 рабочих. Там убивали люди, обученные этому, тут же молодые люди заставляют себя убивать.

Потом Л. Н. рассказывал о том, что он читал о политических убийствах в книге Дебагорио-Мокриевича; затем вспоминал какого-то своего севастопольского товарища, который впоследствии стал варшавским губернатором, и других знакомых из правительственных лиц.

— Сколько приготовлений нужно для такого убийства, сколько опасностей для заговорщиков! Любая женщина, дворник могут выдать их, — сказал Л. Н.

Л. Н. был знаком с министром Мезенцевым и был с ним на „ты“, — с тем Мезенцевым, которого в 1879 г. убил Кравчинский-Степняк.

— Это был добродушнейший малый, — сказал Л. Н. — Был добр к друзьям, наверное — к прислуге, а по службе был строг.

„Варшавский Дневник“ сообщает:

„Из 19 солдат, которые отказались быть солдатами, 5 расстреляны, двоих оправдали, а остальных сослали на каторгу“.

7-го марта 1905 г.

Ночью, в половине второго, Л. Н. пришел ко мне с окровавленной рукой. Туша лампу, он „по-ребячески“ (по его выражению) махнул рукой и порезал себе палец о ламповое стекло. Кровь текла сильно, и он потерял ее довольно много. Я завязал ему руку. Утром переменял повязку. Вскоре Л. Н. уже делал гимнастику, а после завтрака поехал верхом.

Приехал скульптор Андреев.

За обедом был разговор о Сенкевиче. Мария Льв-на сказала, что „Камо грядеши“ очень скучно, „На поле славы“ — тоже.

Л. Н. — Да, его исторические романы очень плохи.

Ник. Леон. — Теперь в моде Пшибышевский, декадент.

Л. Н. — Повторяю вам с Шопенгауэром: не читайте современных книг. Мы с братом Сергеем на Золя не попались. Золя через 10 лет будет забыт, как Eugène Sue.

Я указал Л. Н-чу в „Новом Времени“ статью Кладо, где говорится, что главный недостаток русского флота — в

отсутствии у офицеров военного образования, что у нас пренебрегают всякой военной наукой.

— Да, — сказал Л. Н., — у нас презрение к военной науке.

В половине девятого Л. Н. вышел в столовую с номером американского журнала „Single Tax“, открытым на первой статье Л. В. Гаррисона по поводу 25-тилетия со времени появления „Прогресса и бедности“ Генри Джорджа (1879—1904), и попросил Марию Льв-ну перевести эту статью, сказав, что статья очень хороша. Вот что, между прочим, сказано в этой статье:

„Сторонников Генри Джорджа становится в Америке все меньше и меньше, но многие либералы не подозревают того, что, говоря о земельном вопросе, они цитируют Генри Джорджа. Его значение в мире все увеличивается; его принципы распространились по всему свету. Мысли, которые проводились раньше только в специальных Джорджевских журналах, нынче повторяет вся пресса“.

Я думаю, что то же самое происходит со Л. Н-чем и его учением.

Николай Леон. читает японский роман, очень плохой по его словам. В нем женщины ведут разговоры о войне.

— Да, — сказал Л. Н., — они восхищаются войной. А вот Кладо пишет, что причина поражений русских — любовь к военной науке.

На круглом столе лежала раскрытая книга: „Дневник Марии Башкирцевой и ее переписка с Мопассаном“. Эту книгу читает С. А. Взглянув на нее, Л. Н. сказал Е. В. Оболенской:

— Когда читаешь про Александра Македонского, знаешь, что это — древность; а Башкирцева — знаешь, что 30 лет тому назад была молодая, красивая, была недавно, — а где она?...

За вечерним чаем говорили о театре. Е. В. Оболенская спросила, в чем содержание „Призраков“ Ибсена? Никто не знал.

— Ничего, что не знаете, — сказал Л. Н. — На том свете не спросят. У него во всех пьесах идут на гору.

Андреев надеется в три дня вылепить бюст Л. Н-ча. Сегодня он лепил в то время, как Л. Н. занимался. Мне говорили, что это не мешало Л. Н-чу, потому что Андреев не прерывал его занятий, а только смотрел на него. Но вечером Л. Н., уйдя к себе, затворил за собой дверь, не желая, по словам Софьи Андр-ны, продолжать позировать.

Теперь уже ко Л. Н-чу не приходят столько людей с вопросом, как жить, как это было в 80—90-х годах. Теперь

спрашивают больше о том, как бороться с правительством, что делать, чтобы изменить политический и общественный строй нашей жизни.

8-го марта 1905 г.

Утром, когда я перевязывал Л. Н-чу палец, он сказал мне:

— *Mens sana in corpore sano*. Тут душа как-будто в зависимости от тела. Но душа в слабом теле может быть и бывает сильной. Источник всего — это душа; когда душа слаба, то здоровое тело будет объедаться и распутничать, а обратно — тело на душу влиять не может. Тут различие между христианством и язычеством.

После обеда приехала из дальней деревни вдова просить на похороны мужа. Она приехала за 17 верст. Когда она стояла у крыльца, у нее начались роды. Мария Льв-на отвела ее в деревню к знакомой женщине. Когда она рассказывала об этом; Л. Н. сказал:

— Самая злостная баба не откажет. Всякий мужик ее примет.

На прогулке Л. Н. встретил возвращавшихся из Тулы крестьян, которые передавали, что Куропаткин будто бы застрелился. По поводу этого вечером зашел разговор о Японии.

— Что будет с Японией победительницей? — сказал Л. Н. — Последует нравственный упадок, положение ее ухудшится, в нравственном отношении ухудшится... Удивительное поражение русских во всем!

Я прочел Л. Н-чу выдержки из статьи Гедке о том, что поражения русских происходят от отсталости тактики, плохой администрации и недостатка инициативы. Приведя мнение Гедке, журналист от себя прибавляет:

„Бедный Куропаткин перед самой войной был в Японии. Я слышал от его адъютанта, что японцы были бы дураки, если бы не начали войны. Наши войска на Востоке в страшном беспорядке, а их — лучше“.

— Ты лично знал Куропаткина? — спросила Е. В. Оболенская.

— Нет, он как военный министр, оказывал мне разные любезности: велел передать мне через Верещагина, как он меня уважает.

Андреев окончил лепку бюста Л. Н-ча, который он начал вчера. Он еще останется здесь: хочет присутствовать при выливании формы.

— Это я первый раз видел скульптора, который делает бюст без того, чтобы ему позировали, — сказал Л. Н. — Это новая школа: живопись-скульптура; она пере-

дает выражение. Старая греческая скульптура поклонялась плоти. Теперь скульптура не имеет того значения, как живопись; она строит памятники. Во времена греков и римлян люди обожали императоров, императоры были земные боги. Теперь скульпторам нечего изображать. Христа — нельзя. Нужна бы вдохновляющая идея, а ее нет. Памятник императора, не говорю уже о нашем, но Вильгельма, какое он имеет значение? Он ничем не выдающийся генерал... Головы им не удаются...

Андреев хочет еще вылепить малый бюст Л. Н-ча и его руку.

Л. Н. получил через А. М. Бодянского¹⁾ кипу Чертковских изданий, от одного до трех экземпляров каждого названия. Такое большое количество он получил в первый раз.

У Л. Н-ча вчера и третьего дня болела печень, мучила изжога; кажется, и сегодня также. Он почти не выходил из своей комнаты.

9-го марта 1905 г.

Л. Н. взялся за старую работу: „Кто я“²⁾; по вечерам пишет „Воспоминания“.

— Братьев идеализирует, — сказала Мария Льв., переписывая вчера его работу, — а наверное они такие и были: самобытные, с особыми взглядами, такие непохожие на теперешних молодых людей, шаблонных.

Вечером Л. Н. сказал мне:

— Я просматривал в книге Кросби³⁾ о моравских братьях в Ohio, от которых индейцы приняли принцип непротивления злу. Американцы истребили этих индейцев, даже самого их начальника, который тоже не защищался, признавая, что не надо защищаться насилем. Надо это перевести, но для „Круга чтения“ не годится, так как это только отрывок, который нужно дополнить историческими фактами...

Потом попросил меня принести ему биографию Хельчицкого, написанную Яначеком. Я не исправил, не дополнил эту статью, хотя Л. Н. несколько раз говорил, что хочет поместить ее в „Круг чтения“. Но он, прочтя ее, не упрекнул меня ни одним словом. Л. Н. удивительно деликатен:

1) Близкий Л. Н-чу по взглядам человек.

2) Впоследствии была названа „Зеленая палочка“. Появилась только после смерти Л. Н-ча.

3) „Tolstoi and his teaching“. В русском переводе была издана („Посредником“ под названием „Толстой и его жизнепонимание“ М 1908).

никого не упрекнет даже тогда, когда человек вполне заслуживал бы этого. Очевидно, он точно так же не признает „справедливого“ упрека, как не признает „справедливого гнева“. Я никогда не слышал, чтобы он сделал кому-нибудь саркастическое, колкое замечание, если человек не сделал должного (что очень часто случается). Сколько раз из-за неаккуратности домашних, он не мог найти свои рукописи, письма, книги; сколько раз кучера, встречая его на прогулках, не привозили ему тулупа, приезжали поздно или не туда, куда было нужно! И он ни одним словом не выражал своего неудовольствия.

За чаем Л. Н. прочел вслух биографию Хельчицкого и вступление к „Сети веры“, написанное академиком Ягичем. После чтения он сказал:

— Надо из ббльшего количества источников составить новую биографию. Какая замечательная личность! Ты знаешь Хельчицкого? — спросил он Е. В. Оболенскую. — В конце XIV-го века, еще до Гуса, и как он понимал христианство, отвергал церковь и государство,—то, к чему мы приходим теперь.

Ф. А. Страхов говорил, какое влияние Хельчицкий оказывает на крестьян, как они любят читать его. Я напомнил, какой кроткой души был Хельчицкий,—невозможно и сравнивать с Кальвином, Лютером.

— Да, — заметил Л. Н., — остался неизвестен миру вследствие своей скромности. Непременно мне надо самому заняться этим.

На столе, как и прежде, лежала книга: „Дневник Марии Башкирцевой“, с ее портретом.

— Как искусственно все у нее: и поза, и одежда, — сказал Л. Н., взглянув на портрет. (Кажется, это замечание относилось и ко всей книге).

Говорили о недавно приехавшем писателе Тане. Л. Н. сказал, что хотя он сам еврей, он говорит, что евреи желают жить на счет других, не работая.

Юлия Ив-на получила с Кавказа слатвин (целебную грязь). По этому поводу заговорили о кавказских водах. Л. Н. сказал, что в его время это были просто колодцы с кубком на цепочке; к ним ходили по дорожкам. Теперь там, должно-быть, великолепные курорты.

— Я жил там просто, — сказал Л. Н. — Возле дома стояли 10 соломенных ульев в тени; там, — мне хозяйка сказала, — я могу пить чай.

— А что пчелы не кусались?

— Нет, южные пчелы не кусают, я там и сидел постоянно.

Из комнаты В. А. Кузминской послышалась игра на балалайках. Л. Н. сказал игравшим:

— Когда я гуляю, все время меня преследуют ваши напевы, и я их насвистываю.

— Меня тоже, — сказала Мария Льв-на.

В $\frac{3}{4}$ 11-го ночи Л. Н. пошел к себе еще поработать; потом вернулся и сказал, что у него в комнате слишком жарко, 18 градусов, что было бы достаточно топить у него через день, и пошел прогуляться. Он простился со мной, но я пошел за ним: у меня явилось опасение за него, чтобы он не упал, или чтобы деревенская собака не бросилась на него. Когда Л. Н. услышал, что кто-то идет за ним, он остановился, а я крикнул ему, что это я. Он ответил:

— Не обращайтесь на меня внимания. Также хотите прогуляться? Тогда идите вперед, вы быстрее меня шагаете.

— Нет, Л. Н., я пойду за вами, — сказал я.

Л. Н. поласкал собак — Белку и Цыгана, которые побежали за ним, и пошел через сад, скотный двор и верхний сад к дому. На скотном дворе он подождал меня (вероятно, боялся, чтобы собаки не бросились на меня). Увидев в коровнике свет, Л. Н. удивился.

— Наверное, корова телится, — сказал он.

Около дома Л. Н. спросил меня, давно ли я не получал известий из дому, и был удивлен, когда я сказал, что уже больше месяца не имею никаких.

— А вы часто пишете?

— Нет, изредка.

Сегодня Мария Львовна рассказывала мне, что говорила отцом о смерти и вечной жизни. Она сказала, что ей нравится буддийское воззрение, что чем больше человек живет для Бога в этой жизни, тем легче будет ему жить в последующих жизнях. Л. Н. на это сказал ей:

— Человек не должен соединять понятие о вечной жизни с понятием о своей личности. Вся жизнь человека в том, что он с самого рождения все больше и больше отказывается от животной жизни, в смерти же получает совершенное освобождение от нее. Будет ли потом буддийское переселение душ, этого знать нельзя.

